

РУССКИЙ ХРАМ В СОФИИ

1. ДУХОВНЫЕ СВЯЗИ БОЛГАР И РУССКИХ

История духовных связей болгарского и русского народов – уникальный пример многовекового плодотворного взаимообогащения. Во многом благодаря этим связям в тяжелейшие периоды истории уцелел их «духовный щит», сберегавший само существование русских и болгар – святая православная вера. Как в сообщающихся сосудах от одного народа к другому перетекали идеи, религиозный опыт, потоки духовной литературы, достижения культуры и искусства. Удивительным образом на протяжении веков культурный и политический подъем в одной стране совпадал с утратой независимости и упадком в другой, боль и нужды одного народа вызывали отклик и стремление прийти на помощь у другого.

Свой цивилизационный выбор первой сделала Болгария. За век до крещения Руси в 863г. болгарский царь Борис I со своим двором принял Святое крещение, государственным указом христианство было объявлено единственной разрешенной религией, а христианские законы – общими для всех подданных. В те времена христианство можно было исповедовать на трех «священных» языках: еврейском, греческом и латинском. Благодаря созданной святыми братьями Кириллом и Мефодием славянской письменности, которая была признана канонической и Константинополем, и Римом, славянство получило возможность присоединиться к вере Христовой и воспринять Слово Божие на своем родном языке. «Повесть временных лет» рассказывает, как пришли солунские братья в славянскую землю «и ради быша словени, яко слышиша виличья Божья своим языком».

Историческая заслуга в спасении, развитии и распространении дела святых «первоучителей Словенских» братьев Кирилла и Мефодия на Балканах и в Восточной Европе принадлежит Болгарии. Именно здесь, в болгарских монастырях, просветительских центрах и школах, крупнейшие из которых были в Охриде и Плиске, обучались священнослужители, развивала свою деятельность целая плеяда литераторов и переводчиков. Они не только перевели с греческого языка важнейшие памятники богослужебной, канонической и святоотеческой литературы, но и создали яркие образцы оригинальных литературных произведений, значение которых

выходило далеко за пределы болгарского государства. Это ученики Кирилла и Мефодия: Климент Охридский, Наум Охридский, Иоанн Экзарх, Константин Преславский, Черноризец Храбр и другие. Благодаря болгарским монахам-миссионерам богатая болгарская переводная и оригинальная литература пришла на Русь, здесь ее переписывали и распространяли. Первое место, конечно же, принадлежало Библии. 50 ветхозаветных и 27 новозаветных книг были переведены еще в середине IX века Мефодием, а затем еще раз пресвитером Григорием в Преславе. Четыре Евангелия также составляли огромную долю в литературной продукции того времени как и Псалтырь – самое распространенное и обязательное для каждого христианина произведение.

Активно переводились труды святых отцов церкви – христианских идеологов поздней античности и средних веков. Таким образом, к моменту принятия христианства на Руси в 988 году весь комплекс богослужебных книг существовал на понятном русскому народу языке. В «Повести временных лет» прямо указывается: « словенеский язык и русский одно есть».

Приобщение Руси к сокровищнице византийской культуры с присущими ей религиозными, эстетическими и философскими представлениями осуществлялось через посредничество Болгарии. Вот почему Болгария на века стала для русских людей понятием не географическим и не национальным, а отечеством священного для них языка, Державой Духа, по выражению академика Д.С.Лихачева. Вплоть до начала XX века у наших предков сохранялось понимание того, что русские люди в неоплатном долгу перед болгарями за то, что те принесли им хлеб духовный. В своем стихотворении « К братскому народу» К. Бальмонт писал:

В тысячелетие свершается так много,
 Что позабыть легко, где был когда-нибудь,
 Но из Болгарии – в Россию есть дорога,
 А из России – до Болгарии есть путь.
 Когда вливалась Русь в великие размеры,
 Что выткались поздней в бескрайний пышный сказ,
 Отсюда к нам пришел огонь той веры,
 Что скрепой верности спаял навеки нас.

В IX-X веках пока еще имело место не влияние, а перенесение из Болгарии на русскую почву целых культурных пластов, которые здесь постепенно наполнялись новым содержанием и обретали местные черты.

Болгарская литература не только стала органической частью русской литературы, ее фундаментом, но и дала Руси богослужебный, церковный язык, который, соединившись с обиходным древнерусским, стал основой русского литературного языка.

Из Болгарии в Киевскую Русь переправлялись богослужебные книги, приезжали священники, проповедовавшие Слово Божие на славянском языке. Так, Иоакимовская летопись сообщает, что по просьбе князя Владимира болгарский царь «присла иерей учены и книги довольны», среди

посланных на Русь были «4 епископы и многи иереи, диаконы и демественники (певчие) от славян». Русское церковное пение началось от болгарского, византийского по своему происхождению, но уже переработанного под влиянием древнеболгарского языка и болгарских мелодий.

Исторический опыт организации Церкви в Болгарии был учтен на Руси, где литургия на славянском языке была введена практически одновременно с крещением. Основанием для внутреннего церковного управления служил болгарский перевод Номоканона и списков Кормчей. Во второй половине XIII века митрополит Владимирский Кирилл выписал из Болгарии Номоканон в полном виде и отметил, что доселе церковные правила «помрачены бяху облаком мудрости еллинского языка, ныне же облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатию Божьею ясно сияют, неведения тьму отгоняюще».

Болгарское духовенство сыграло огромную роль в христианизации русских людей и создании Русской Церкви. Символом торжества дела «первоучителей Словенских» на русской земле стал построенный княгиней Ольгой храм во имя Святой Софии в Киеве, который неслучайно был освящен 11 мая – в день, когда церковь чтит память равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Из Болгарии на Русь приезжали не только многочисленные представители духовенства, но и переводчики, «книжные люди», мастера зодчества, живописи и ремесел. Особенно их приток увеличился после падения под ударами Византии Первого Болгарского царства в 1018 году, когда Болгарская Церковь была лишена патриаршества и низведена в ранг архиепископии, подчиненной византийскому Патриарху, а болгарское духовенство стало вытесняться греческим.

Начиная со времен Ярослава Мудрого, ревнителя христианского благочестия и страстного книгочоя, все явственнее звучало самородное русское слово – появлялись оригинальные литературные произведения зрелые и глубокие по содержанию: «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона (1037г.), «Повесть временных лет» Нестора (1113г.) и т.д. Начался процесс взаимовлияния двух литератур.

С конца X века болгарские и русские духовные лица стали строить свои монастыри на Святой горе Афон, они совместно переводили и создавали богослужебные книги, которые распространялись на Руси и в Болгарии. Общими центрами славянского общения были монастыри Иерусалима, Синая, Константинополя, Салоник и Болгарии.

Духовные связи на протяжении длительных периодов истории по существу были единственной формой общения между болгарскими и русскими. Во времена монголо-татарского ига некоторые представители русского духовенства и деятели культуры нашли убежище в Болгарии, которой удалось к тому времени восстановить свою государственность - в 1186 году возникло Второе Болгарское царство. Это была эпоха культурного подъема Болгарии, который был особенно заметен во второй половине XIV века,

когда решающую роль в развитии духовной жизни страны играла Тырновская книжная школа, развивавшая свою деятельность в Килифаревском монастыре и в монастыре Святой Троицы близ Тырново. Ее выдающимися представителями были Феодосий Тырновский, Евфимий Тырновский, Киприан, Григорий Цамблак, Константин Костенечский и др. Традиции древнеболгарской литературы развивались в таких монастырях, как Рильский, Бачковский, Иоакима Осоговского, Гавриила Лесновского. После победы Дмитрия Донского на Куликовом поле из Болгарии на Русь широким потоком переправлялись рукописные книги, созданные болгарскими монахами и переводчиками. Специалисты называют этот факт «второй волной южнославянского влияния».

После падения Болгарского государства под ударами Османской империи в конце XIV века многие его выдающиеся деятели нашли приют на Руси и сыграли большую роль в ее церковной, общественно-политической и культурной жизни. Так, соратник и последователь Евфимия Тырновского Киприан в 1375 году стал митрополитом Киева, а с 1390г. по 1406 г. был митрополитом Московским и всея Руси. Киприан перенес на Русь богатый опыт и традиции болгарских духовных и книжных школ в подготовке духовенства. Он перевел множество богослужебных книг, в частности, «Лествицу», создал литургические труды с целью унификации богослужебной практики, написал «Житие Московского митрополита Петра», «Службу Петру», «Похвальное слово о Петре», положив начало новому этапу в развитии русской житийной литературы. Литературным влиянием Киприана отмечены известные произведения русской средневековой литературы: «Задонщина», пространная редакция « Повести о Куликовской битве», «Повесть о нашествии Тохтамыша», «Слово о жизни и смерти великого князя Дмитрия Ивановича, русского царя», «Список русских городов, далеких и близких». Ему удалось осуществить разработанную Евфимием Тырновским реформу письменности и языка. Благодаря Киприану на Руси стали писать новой вязью, для украшения рукописей начали использовать растительный и геометрический орнамент. Он собирал местные русские летописи и составил общерусский летописный свод – один из важнейших источников по древнерусской истории. По инициативе Киприана были построены несколько храмов под Москвой и во Владимирской области. Спустя несколько десятилетий после его погребения в Успенском соборе Московского Кремля были обретены его нетленные мощи – в 1472 году болгарин Киприан был канонизован как русский святой.

Яркий след в духовной жизни Руси оставил ученик Евфимия Тырновского Григорий Цамблак, который стал свидетелем жестокой расправы турецкого султана над защитниками Тырново - множество болгар было перебито, оставшиеся в живых были обращены в рабство или переселены в Малую Азию. Патриарх Евфимий, руководивший обороной, оказался в заточении в Бачковском монастыре (позднее был причислен к лику святых).

Прекрасно образованный Григорий Цамблак в 1414 году стал митрополитом Киевским. Он написал множество оригинальных духовных сочинений, (известно более 40 текстов его литературного наследия, в том числе «Похвальное слово о Патриархе Евфимии», «Похвальное слово о митрополите Киприане»), активно пропагандировал болгарскую литературу, был выдающимся оратором и талантливым просветителем. Благодаря ему среди русских людей распространилось почитание Дмитрия Солунского. Григорий Цамблак стал популяризатором тырновского церковного пения, следы которого сохранились в болгарском распеве, получившего широкое распространение в русской певческой школе и ставшего основой знаменитого киевско-печерского распева. О его смерти в 1419г. сказано в Никоновской летописи: « Тое же зимы умре Григорий митрополит Цамблак на Киеве, родом болгарин, книжен зело, изучен убо бек нижней мудрости всяцей из детства, много писания, сотворив, остави».

Известно, что митрополитами киевскими и всея Руси были также: Исидор(1436-1441);Григорий Болгарин (1458-1472); Иосиф Болгаринович (1458-1472); Иосиф Болгаринович (1500-конец 1501). Архиепископом Вологодским с 1613 по 1626г. был Нектарий Велешки - бывший охридский архиепископ, а епископом Смоленским с 1721 по 1725г. был бывший охридский архиепископ Филофей.

Никогда ранее за всю предшествующую семи вековую историю Болгарии ее народ не испытывал более тяжелой доли, чем в эпоху османского ига. Завоевание сопровождалось физической гибелью десятков тысяч людей, массовым обращением в рабство, разорением городов, сел, уничтожением тысяч церквей и десятков монастырей, поруганием святынь, вековых традиций и народных обычаев. Чтобы сохранить жизнь, достаточно было отказаться от православной веры и принять ислам, однако большинство болгарского народа предпочитало смерть вероотступничеству: « Или Бог, или не стоит жить».

Как и другие христианские народы Балканского полуострова, турки называют болгар «рум милеет» (ромейский народ) и объявляют их «гяурами», т.е. «неверными». В ходу было и другое определение – «райя», т.е. стадо. В результате « священной войны» болгары были обречены на пяти вековой гнет со стороны восторжествовавших иноверцев.

Помимо 80 налогов и поборов, возложенных на болгарское население, исторические документы с 1395г. по 1705 г. упоминают о такой жестокой повинности, как «дань кровью» (девширме). Периодически наиболее здоровых и красивых мальчиков–христиан отбирали у родителей и отправляли на воспитание в турецкие семьи в Азию, где их обращали в мусульманство и после обучения в специальных военных школах зачисляли в янычарский корпус – ударную силу турецкой армии, которая с особой жестокостью подавляла сопротивление христиан. Красивых болгарских девушек превращали в наложниц турецких вельмож.

Закон запрещал болгарам носить оружие и яркую одежду, строить высокие дома, церкви, нельзя было звонить в колокола - их сменили

деревянные клепала. Встретив турка, болгарин был обязан сойти с коня и в пояс ему поклониться. Болгар насильственно массово переселяли из городов в села (уже в XVI в. в городах к югу от Балканского хребта, согласно налоговым реестрам, болгар вообще не осталось). Поскольку территория исторического обитания болгарского населения лежала на стратегически важных подступах к Стамбулу, турецкие власти, стремясь к разрушению этнической общности болгар, чередовали болгарские села с турецкими, татарскими, черкесскими и т.п.

Тяжелое налоговое бремя, обрекавшее на жизнь впроголодь, толкало христиан на принятие ислама – принявшие мусульманство пользовались льготами наравне с турками, однако их дети переставали быть болгарами. Одним из способов сохранения своей национальной идентичности была эмиграция. Периодически болгары массово переселялись в Румынию, Венгрию, Россию, Сербию. Так, в 1688-1689гг. эмигрировало практически все болгарское население северо-восточных областей, в 1829-1830гг. – население юго-восточной Фракии.

Следствием геноцида, исламизации и эмиграции был серьезный демографический кризис болгарского народа. Если до установления турецкого господства численность населения Болгарии была сопоставима с населением Англии, Франции и Германии (около 1,3 млн.), то в XVI-XVII вв. в составе турецкой империи она уменьшилась до 700 тысяч, и последствия демографического кризиса были необратимы.

Сильно подорван был и генофонд народа: болгарская знать была уничтожена еще в начале завоевания – физически или через насильственное обращение в ислам. Общественно-политическое и культурное развитие болгар практически замерло, не было единого литературного языка, не развивались литература и искусство, не говоря уже об образовании и науке (только в 1808г. появился первый болгарин с высшим образованием!). Под угрозой было поставлено само существование болгар как этнокультурной общности. По сути дела, в тот период едва ли можно говорить о болгарском обществе, в османской империи проживало болгарское население, объединенное языком и верой – других общественных связей не было, а название Болгария превратилось в термин этнографический.

Из всех православных балканских церквей уцелела только греческая. Болгарская Церковь была лишена самостоятельности и превращена в митрополию Константинопольской Патриархии. Болгарское духовенство могло занимать лишь низшие посты, богослужбным языком становится греческий.

После падения Константинополя в 1453 году Московская Русь осталась единственным в мире православным государством. На ее долю выпало предназначение сохранить свет Православия, и именно к ней порабощенные христианские народы Османской империи обращают свой взор как к единственной силе, способной принести им освобождение. Олицетворением веры в освободительную миссию братской Руси, русского народа и его царей у болгар стал образ «дядо Ивана» (дедушки Ивана).

Наступил период обратного духовного влияния и религиозной поддержки: болгар со стороны русских.

Покровительство вселенскому Православию на первых порах ограничивалось молитвой об освобождении братьев во Христе и милостыней различным просителям с Востока. Литургиарион Русской Православной Церкви пополняют новые ектинии, собранные в специальный раздел: «О освобождении под игом работы агарянских сущих, православных христиан, и об искоренении злочестивого безбожия махOMETанского, и испровержении царства и власти их». Судя по потертым листам уцелевших экземпляров, молитвы эти читались постоянно.

Царь Алексей Михайлович первым из русских правителей открыто провозгласил защиту Вселенского Православия от притеснений иноверцев не только как сокровенное чаяние своей души, но и как высшую установку царского служения. В 1656г. в беседе с Антиохийским Патриархом Макарием он сказал: « Я боюсь, что Всевышний взыщет с меня за них (гонимых православных), и я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления». Однако известно, что и его предшественники, русские князья, а затем и государи, оказывали серьезную материальную помощь фактически всем просителям, прибывавшим в Москву с поручительными письмами из Константинопольской Патриархии. Сохранились летописные известия о том, что сразу же после падения Константинополя на Русь потянулись греческие, болгарские и сербские монахи, собиравшие пожертвования для своих обителей, храмов и паствы.

Пожертвования, причем значительные, переправлялись с конца XV века постоянно. Помощь шла деньгами, церковными предметами, «русским золотом» - мехами. Царь Иоанн Грозный рассылал свои дары по всему Востоку с истинно царской щедростью, он помогал всем четырем патриархам. В одной из своих грамот Константинопольский патриарх называет Иоанна Грозного ктитором патриархии. Щедрое пожертвование предназначались на восстановление разрушенных храмов, выкуп пленных христиан, заложенного церковного имущества и церквей, которым грозило превращение в мечеть. В большом количестве в дар передавались иконы, церковная утварь, богослужебные книги, одежда, обувь, предметы первой необходимости. Так, серьезную помощь получали Рильский монастырь (Иван Грозный выдал его посланцам грамоту, разрешавшую собирать пожертвования по всей Руси), болгарский монастырь Зограф на Афоне, а также ряд монастырей на юго-западных болгарских территориях. Рассказы о русской отзывчивости и помощи передавались из уст в уста, болгары называли Русь «вторым Ноевым ковчегом». Венецианский посланник в Турции писал городскому сенату в 1567г., что султан серьезно опасается растущего могущества русского царя, так как греки, болгары и сербы « весьма преданы великому князю, с которым соединяет их единство вероисповедания, и готовы взяться за оружие и восстать, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться власти князя».

Постепенно увеличивалось распространение русских книг на болгарской земле, сюда пришли жития русских святых Бориса и Глеба, Владимира, Феодосия Печерского, оригинальные русские сочинения той поры: «Паломничество игумена Даниила в святой город Иерусалим», «Повесть о падении Царьграда» и др. С конца XVI века на порабощенные болгарские земли проникает все больше печатных книг (как духовной, так и учебной литературы) – нетерпимость исламского фанатизма не допускала функционирования ни одной болгарской типографии. Русские странствующие монахи тайно переправляли в болгарские церкви и монастыри богослужебные книги, не позволяя угаснуть христианскому Божьему слову. Книги поступали из Москвы, Киева, Ярославля, Нежина, русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Печатные книги привозили с собой из поездок по русским землям и представители болгарского духовенства. Так, при написании своей знаменитой «Истории славяно-болгарской о народе и царях» (1762) Паисий Хилендарский пользовался русскими переводами сочинений Цезаря Верония и Мавро Орбини, а также трудами Димитрия Ростовского и «Синописом» - первой русской печатной историей 1674г.

Обходя запреты турецких властей, русские купцы везли болгарам не только церковные печатные книги, но и иконы, предметы церковной утвари, облачения. В свою очередь на русской земле становятся известны все новые имена болгарских мучеников за веру. Так, в 1539 году по поручению митрополита Новгородского Макария пресвитер Илия написал в Пскове житие Георгия Софийского Нового, в котором через описание мученичества болгарского святого рассказывается о невыносимом положении братьев по вере на Балканах.

В XVII веке положено начало обучению болгар в России, которое с течением времени приобрело массовый характер. Представители болгарской молодежи учились в Киеве, Москве, Петербурге, Нежине, Кишиневе, Одессе, Николаеве. Болгарские воспитанники пользовались большими льготами: они освобождались от платы за обучение, получали денежные пособия. По неполным подсчетам, до освобождения Болгарии в России было подготовлено свыше 800 молодых специалистов, которые как истинные патриоты возвращались на родину и принимали активное участие в национально-освободительной борьбе. Большая часть болгарского епископата и видных деятелей культуры получили образование в русских учебных заведениях.

Особое место в истории русско-болгарских духовных связей занимает эпоха Болгарского возрождения – последние два века турецкого владычества. С XVIII века болгарский вопрос стал составной частью Восточного вопроса, объединившего три взаимосвязанных процесса: распад Османской империи, национально-освободительное движение ее порабощенных народов, борьбу европейских государств за турецкое наследство. В сущности же своей, как писал Ф.М.Достоевский, это был вопрос о « разрешении судеб Православия», неразрывно связанный с « назначением России».

Россия активно включилась в решение Восточного вопроса, используя свои дипломатические, политические и военные усилия. Одна за другой следует череда русско-турецких войн, в которых все более активно участвуют болгарские добровольцы (одиннадцать войн с Турцией продолжались в общей сложности 44 года!). В начале 1853г. в беседе с британским послом Г. Сеймуром российский император Николай I отметил: « В этой империи живет несколько миллионов христиан, интересам которых я должен оказывать покровительство, и это право обеспечено за мною трактатами. Я могу сказать по правде, что пользуюсь этим правом с воздержанием и умеренностью, причем откровенно признаю, что с ним иногда связаны стеснительные обязанности, но я не могу отступить перед исполнением совершенно ясного долга. Наша религия в том виде, как она существует в России, перенесена к нам с Востока, и есть чувства и обязанности, которых иногда не должно упускать из виду».

Непрерывно вспыхивают восстания поработанных славянских народов. Их положение было столь чудовищным, что в русском обществе высказывалась идея массового переселения балканских славян в Россию. Граф Игнатъев подкреплял свои предложения аргументами, а в народе попросту говорили: « Как же не помочь им, сердечным? Да неужели мы их не прокормим?»

Национально-освободительная борьба болгарского народа включала в себя и борьбу за церковную независимость. Константинопольская Патриархия активно проводила «эллинизацию» Болгарской Церкви: архиепископы и епископы назначались исключительно из греков, церковнославянский язык вытеснялся из церкви и школы, уничтожались славянские книги и рукописи. К началу XIX века в болгарских городах практически не осталось храмов, где бы богослужение совершалось на славянском языке. Следствием такого положения было отчуждение известной части болгар от православной веры, принятие ислама, переход в католицизм, протестантство и сектантство. К середине XIX века глухое сопротивление болгар приняло активную форму, они требовали совершать богослужения на славянском языке, не препятствовать открытию болгарских школ, назначать в болгарских епархиях владык из болгар, был поставлен вопрос о восстановлении автокефалии Болгарской Церкви и возвращении ей патриаршества. Когда Константинопольская Патриархия ответила отказом, дело дошло до открытого неповиновения: болгарские епископы решились самостоятельно провозгласить свою церковную независимость. Под давлением России в 1870 году султанским фирманом была учреждена Болгарская Экзархия, юрисдикция которой распространялась на земли, населенные болгарами.

В разработке проекта автономной Болгарской Церкви активное участие принимал русский посол в Константинополе граф Н.П.Игнатъев, который прекрасно понимал, что в границах Болгарской Церкви просматривался силуэт будущего болгарского государства. «Своими собственными руками я построил мост для политической независимости

болгар», - отмечал Игнатъев. Первым духовным главой Болгарской Экзархии был избран воспитанник Московской духовной академии митрополит Видинский Анфим(в сан иеромонаха его рукоположил митрополит Московский Филарет (Дроздов).

Константинопольская Патриархия не признала автономии Болгарской Церкви и в 1872г. объявила болгар раскольниками – схизматиками. И хотя Русская Церковь не присоединилась к определению Константинопольского Поместного собора, однако, не желая осложнять отношения с Вселенской Патриархией, уклонялась от евхаристического общения с Болгарской Церковью.

Создание церковной области, имевшей границы и название – Болгария, было шагом к политической независимости. Борьба болгар против своих угнетателей все более принимала характер войны между двумя враждующими нациями. Только Россия последовательно отстаивала идею независимости славянских народов, в то время как европейские державы, рассчитывая добиться своего доминирования на Балканах, пытались всячески гальванизировать Османскую империю, помогали ей щедрыми денежными субсидиями, военными консультантами, проявляя поразительное равнодушие к фактам бесчеловечных истязаний и массовых убийств десятков тысяч славян. Более того, цивилизованная Европа открыто защищала право турок применять силу, истреблять славян в ответ на их восстание против рабства. Римский папа Пий IX открыто выступил на стороне Турции. Посланник Франции в Царьграде, а позже министр иностранных дел маркиз де Мустье заявлял: «Все народы не могут в равной степени претендовать на право самостоятельного существования. Они должны представить свои основания на то: роль в истории, гомогенность населения, силу, единство. Всех этих условий не хватает христианскому населению Турции...». Министр иностранных дел Австрии граф Андраши не скрывал, что Австрия заинтересована в «поглощении этих народов».

После бесплодных попыток мирным путем заставить Турцию изменить положение подвластных ей славянских народов Россия 12/24 апреля 1877 года Александр II подписал манифест об объявлении Турции войны, в котором говорилось: «Христиане Болгарии! Вы переживаете ныне дни для вас приснопамятные. Пробил час освобождения вашего от бесправного мусульманского гнета». Священный Синод Русской Церкви распорядился о ежедневном возношении молитв о победе над врагом.

С «железом в руке и крестом в душе» пришел русский солдат на Балканы, чтобы освободить своих братьев по вере и возродить их к политической жизни, следуя завету: «Больше сия любви никто не имеет, кто душу положит за други своя».

Русское общество в едином порыве поддержало освободительную войну: « кто хлопотал поступить в действующие войска, кто в Красный Крест, кто жертвовал..., одним словом, всякий старался быть хоть чем-нибудь полезным в эти важные минуты и способствовать победе Креста над Луною», - отмечал современник событий В.В.Воейков.

В женских монастырях создавались отряды сестер милосердия для военных лазаретов, организовывались санитарные отряды из числа монашествующих и послушников мужских монастырей. Священный Синод призвал епархиальных иереев предоставить все мужские монастыри, расположенные по линиям железных дорог, в распоряжение местных органов Красного Креста для устройства военных госпиталей. И на поле брани, и в военных госпиталях, и полевых лазаретах с честью несли свой пастырский долг представители русского духовенства. Повсеместно русские люди возносили свою горячую молитву о даровании победы воинам и упокоении « всех православных на брани с неверными агарянами живот свой положивших». В своих проповедях в храмах, в выступлениях на сельских сходах и частных собраниях священники рассказывали о страданиях балканских славян, о героях освободительной войны – их имена знала вся Россия.

По призыву Священного Синода вся церковная общественность России, духовные учреждения, монастыри, православные братства, церковно-приходские попечительства, различные благотворительные организации спешили внести свой вклад в дело борьбы за освобождение братьев во Христе. К концу войны пожертвования народа составили 14 миллионов рублей. Крестьяне жертвовали не только деньгами, но и вещами, и продовольствием. Как писал Ф.М.Достоевский, в стране развернулось «движение почти беспримерное в других народах по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной жажде пострадать за правое дело». На страницах российской печати рефреном звучит мысль: «В былое, далекое время, Болгария, раньше нас огласившаяся христианскою проповедью славянских просветителей, питала нас хлебом духовным, доставляя нам произведения своей христианской письменности. Мы едва ли расплатились с нею за это просветительское влияние теми приношениями, какия со времени достигшаго ее магометанского ига привыкли мы посылать в ея убедневшие храмы, а затем и в ея убогия школы».

В состав русской Дунайской армии было включено и болгарское ополчение из 12 отрядов общей численностью в 10 тысяч человек во главе с генералом Н.Г.Столетовым, будущим героем Шипки и Плевны. Московский славянский комитет взял на себя их обмундирование и вооружение. Среди ополченцев были и представители болгарского духовенства. Многие болгарские монастыри превращались в лазареты, склады продовольствия и боеприпасов для воинов-освободителей.

7 мая 1877 года в военном лагере у румынского города Плоешти делегация жителей Самары вручила ополченцам знамя, которое перед этим в течение трех дней было возложено на мощи Святителя Алексия митрополита Московского в Чудовом монастыре для освящения и поклонения москвичей. Чудотворец, целитель и Святитель, собеседник и друг преподобного Сергия Радонежского, митрополит Алексей, основатель Самары, был великим предком графа Игнатьева. На знамени – изображение

иконы Божией Матери Иверской и равноапостольных Кирилла и Мефодия. Золотом вышито: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Шелковое знамя сшили вручную монахини самарского женского монастыря Иверской иконы Божьей Матери по оригинальному рисунку местного художника Н.Е.Симакова. Лик Богоматери создала супруга П.В.Алабина, статского советника, представителя Славянского благотворительного общества в Болгарии, будущего губернатора освобожденной Софии. Под сенью Самарского знамени с ликом Богородицы и «первоучителей Словенских» сыны двух православных народов явили чудеса храбрости и невиданного героизма. В своем письме с фронта 10 июля 1877г. граф Игнатъев писал жене: «Отец Никольский служил обедню в болгарской церкви. Первая обедня русская при русском императоре на почве болгарской, очищенной от турок! Мы возвращаем наш долг родине просветителей Кирилла и Мефодия!»

Вдохновляющим примером для воинов было личное присутствие на фронте императора Александра II, он навсегда вошел в историю Болгарии и России как Царь-Освободитель. Именно так с той поры и по сей день его поминают в молитвах в болгарских храмах, так называется центральная улица Софии, на которой в 1907г. был установлен замечательный памятник Александру II работы итальянского скульптора А.Цокки. Двадцатилетний Александр Баттенберг, прусский офицер, будущий первый князь освобожденной Болгарии, принимавший участие в войне с разрешения русского императора, отметил в своем дневнике, что Александр II не пропускал ни одной литургии, постоянно принимал участие в благодарственных молебнах и панихидах, навещал раненых в лазаретах.

В войне участвовали все великие князья, цвет русской нации. В составе передового отряда Русской армии командовал Нарвским гусарским полком Александр Александрович Пушкин – сын великого поэта. За боевые заслуги он был награжден императором Золотой саблей с надписью «За храбрость» и Орденом Владимира четвертой степени с мечами и бантом. Офицеры полка при прощании с любимым командиром подарили ему часы, на циферблате которых, вместо цифр, были выгравированы названия освобожденных в боях болгарских городов и сел.

Командиром 13-го Драгунского полка был Александр Михайлович Лермонтов, родственник поэта. За проявленное мужество при освобождении Карнобата и Бургаса он награждается Золотым оружием. Его дочь Александра Александровна добровольно ушла на войну медсестрой, служила в корпусе генерала М.Д.Скобелева, с которым прошла всю Болгарию до Сан-Стефано. После окончания войны в Бургасе на личные средства организует первую больницу в городе.

В Освободительной войне проявился выдающийся полководческий талант целой плеяды русских военачальников: М.Д.Скобелева, Ф.Ф.Радецкого, И.В.Гурко, Н.Г.Столетова, Э.И.Тотлебена и многих других. Проведенные ими беспримерные операции и сражения стали предметом изучения в российских и зарубежных военных учебных заведениях.

Медицинские факультеты Петербургского, Московского, Казанского Киевского, Харьковского и Одесского университетов послали на фронт сотни врачей. Под руководством светил российской медицины Н.И.Пирогова, Н.В.Склифосовского, С.П.Боткина, В.М.Бехтерева в войне участвовали 1650 врачей, 2300 сестер милосердия, 7800 санитаров.

Живейший отклик нашла Освободительная война в сердцах русской интеллигенции. Добровольцами отправились туда знаменитый художник - баталист В.В.Верещагин вместе с двумя братьями, В.Д.Поленов с сестрами, К.Е.Маковский, Н.Н.Каразин, академики живописи Н.Д.Дмитриев-Оренбургский и П.О.Кавалевский и другие. Летопись войны, серию очерков, несколько и романов и стихотворений написал ее участник В. Немирович-Данченко, добровольцами пошли на фронт прозаик и критик В.М.Гаршин, В.А.Гиляровский, В.А.Соллогуб.

События войны нашли отражение в поэтическом творчестве И.С.Тургенева, А.А.Голенищева-Кутузова, А.Н.Майкова, А.Н.Апухтина и многих других русских поэтов. П.И.Чайковский написал марш «Славянский» для благотворительного концерта в пользу раненых в русско-турецкой войне, который, как писал композитор своей сестре, «произвел бурю патриотического восторга».

Русские солдаты проявили на поле брани свои лучшие качества – высокую боеспособность, самопожертвование, М.Д.Скобелев особо подчеркивал их храбрость, выносливость и терпение. Чудовищные картины сожженных городов и сел, массовых зверств, учиненных над болгарским населением отступавшими турками, заставляли содрогаться сердца бесстрашных воинов и наполняли их сердца жаждой скорейшей победы. Так, женский монастырь Введения Богородицы, построенный при активном участии России в городе Казанлык в начале XIX века, стал местом жестокой расправы турок над монахинями и укрывшимися в монастыре мирными жителями. За один день здесь полегло более трех тысяч человек, такова была месть за хлеб-соль, с которыми встречали насельницы монастыря донских казаков генерала И.В.Гурко.

Болгары как могли, помогали воинам: создавали партизанские отряды (четы), восстанавливали и строили дороги и мосты, оборонительные сооружения, снабжали продовольствием и фуражом, доставляли сведения о дислокации турецких войск, были проводниками, выхаживали раненых, обеспечивали перевозку военных грузов. В боях у Шипки многие жители под огнем неприятеля доставляли солдатам воду, пищу и боеприпасы. От взрослых не отставали и дети, например, десятки габровских мальчишек под градом пуль на передовой разносили солдатам воду, выносили раненых. Во многих городах и селах стихийно создавались отряды народной милиции, которые поддерживали порядок, контролировали дороги между населенными пунктами, предупреждали о появлении неприятеля.

По всему пути следования русской армии болгары с ликованием встречали своих освободителей, осыпали цветами, припадали к их ногам, целовали им руки. « Радость населения доходит до безумия,...многие

плакали от радости...», - отмечает очевидец. « Я не знал ничего более искреннего, я не видел еще людей, которые бы так радовались», - утверждает другой участник освободительного похода. Непременно все вместе шли в храм вознести Господу благодарственную молитву, поминали погибших. «Молились за павших товарищей, - вспоминал ординарец М.Д.Скобелева П.А.Дукмасов, - за оставшихся в живых, за Царя, за Россию... И эта картина горячей молитвы русских православных воинов, благодарящих Бога за славную победу, - тоже наверное живо врезалась в память каждого участника». Более 200 тысяч наших воинов остались лежать в болгарской земле. В память о них в Болгарии установлено около 450 памятников и четыре храма-памятника, и по сей день их поминают в молитвах в болгарских церквях.

Война увенчалась победой: 19 февраля 1878 года, в день восшествия на престол русского императора, в Сан-Стефано, маленьком городке на берегу Мраморного моря, граф Игнатьев на правах представителя страны-победительницы подписал мирный договор с Турцией. На обломках побежденной империи возникли новые славянские государства. Болгария, включая Македонию, простиралась на юге до Эгейского моря, на востоке ее граница проходила в нескольких десятках километров от Стамбула. Она становилась вассальным княжеством, связанным с Турцией лишь уплатой дани. В тот же день императору Александру II был направлен благодарственный адрес, который подписали 568 представителей церковной общности и болгарского духовенства во главе с митрополитом Софийским Мелетием, в котором подчеркивалось: сбылись вековые надежды болгарского народа – «солнце освобождения воссияло из Православной России».

Великие державы единым фронтом потребовали от России пересмотра Сан-Стефанского договора – они выступали категорически против появления на Балканах Болгарии от моря до моря, православного государства, дружественного России. Великий князь Александр Михайлович Романов отметил в своих мемуарах: «Медленно продвигаясь в течение почти двух лет через полудикие балканские земли, русская армия в действительности вела жесточайшую кампанию против Британской империи. Турецкая армия была вооружена отличными английскими винтовками новейшей системы. Генералы султана следовали указаниям английских военачальников, а флот Ее Величества королевы английской угрожающе появился в водах Ближнего Востока в тот момент, когда взятие Константинополя русской армией являлось вопросом нескольких недель».

Угрожая восстановлением коалиции времен Крымской войны, Англия, Германия и Австро-Венгрия вынудили Россию на созыв 1 июля 1878г. Берлинского конгресса. Королева Виктория призывала Вену и Берлин « дать хорошую порку этим мерзким русским».

По итогам конгресса, Болгария была раздроблена: Княжество Болгария ограничивалось территорией Северной Болгарии и оставалось вассальным от Турции. К югу от Балкан была образована автономная область Восточная

Румелия, подвластная султану, но управляемая губернатором-христианином. Македонию оставили в составе Турции. Болгарский князь не должен был принадлежать ни к одной правящей европейской династии. Временное управление княжеством до введения в нем конституции сохранялось за русским Управлением, срок действия которого ограничивался девятью месяцами. Княжество и область были обязаны участвовать в выплате долгов Османской империи, платить дань турецкому султану.

Итоги конгресса породили настроения глубокого разочарования и пессимизма в русском и болгарском обществах. Освобождение славян от османского ига оказалось неполным, а разделение Болгарии – противоестественным. И.С. Аксаков писал: « Создается Болгария в самой неудобной, нездоровой форме маленького княжества с туземным князем. Это сделано с макиавеллистическим расчетом». Стремясь максимально ослабить влияние России в регионе, ее противники пошли на такое политическое и территориальное урегулирование на Балканах, которое провоцировало новые военные конфликты, и они не заставили себя долго ждать.

Однако, несмотря на многие несправедливые в отношении болгарского, да и других народов решения, Берлинский договор не смог перечеркнуть главного: благодаря жертвенной крови русских воинов болгарский народ, о существовании которого цивилизованная Европа давным-давно позабыла, воскресал к новой государственной и духовной деятельности.

Все духовное богатство, которое пришло на русскую землю из Болгарии, было сохранено и приумножено русским народом. В книгохранилищах России уцелели списки и оригинальные книги древнеболгарской литературы, которые безвозвратно погибли в порабощенной Болгарии. Болгарские историки создавали свои труды, опираясь, прежде всего, на русские источники. Книги архиепископа Филарета Черниговского, Е.Голубинского и других российских богословов сохранили бесценные сведения по истории Болгарской Церкви, имена болгарских святых периода турецкого владычества. Российские ученые-слависты Ю.И.Венелин, В.И.Григорович, О.М.Бодянский и многие другие создали ценные труды по болгарской истории, литературе, языку и культуре. Первая после освобождения Болгарии государственная библиотека с музеем старины, основанная по предложению губернатора Софии П.В.Алабина, быстро увеличивалась за счет книг и средств, предоставленных славянскими комитетами России.

В болгарских храмах использовали русские богослужебные книги, написанные на церковнославянском языке, который активно изучался и обогащался в России. Этот язык влиял на развитие болгарского литературного языка. По русским книгам болгары учились грамоте в многочисленных «келийных» школах при церквях и монастырях.

В русских церковно-певческих книгах сохранились записи мелодий болгарской школы, которые были утрачены в Болгарии. И эти книги вернулись на болгарскую землю, а вместе с ними сюда пришли и

замечательные музыкальные произведения духовной музыки талантливых русских композиторов Бортнянского, Турчанинова, Львова, хоровые обработки болгарских напевов, сделанные Гречаниновым, Чесноковым и другими.

Александр II подчеркивал: «В делах Востока первой заботой нашей должна быть Святая Церковь». Большое внимание уделяло правительство России возрождению Болгарской Церкви и укреплению ее авторитета в болгарском обществе. После освобождения церковными делами в границах Болгарского княжества занимался Св.Синод в Софии. Экзарх находился в Константинополе, т.к. многочисленное болгарское население еще оставалось в пределах Османской империи, а турецкое правительство не разрешало единого церковного управления для всех болгар.

Многовековое подневольное положение болгарского народа внутри Османской империи обрекало православных на борьбу за выживание, которая обескровила Болгарскую Церковь. Болгарское духовенство было малочисленным, плохо образованным. В некоторых селах десятилетиями не было своего священника. Нередко, особенно молодые болгары, не понимали литургию, не знали порядок богослужений. «Они, бедные, и креститься почти не умеют,- отметил в своих записках один русский священник,- в церкви не снимают шапок и фесок, в крестном ходе нет порядка».

Русские солдаты, освобождавшие Болгарию, а также немногочисленные путешественники и ученые-слависты поражались, встречая болгарских священников, одетых, как все мужчины, в куртку, короткие шаровары, за поясом кинжал и пистолеты, а сверху риза. Вместо знамени в отряде повстанцев легендарного Георгия Бенковского служил взятый из церкви большой серебряный напрестольный крест. Были случаи, когда болгарские четники, выступая в бой, целовали не Евангелие, а кинжал и пищаль, переиначивали «Символ Веры»: «Верую во единого четника балканского...».

Борьба против эллинизации Болгарской Церкви Константинопольской Патриархией порождала неуважительное отношение не только к греческому духовенству, но и к институту Церкви в целом: исчезало благоговение к вере, к духовным лицам, размывалось религиозное сознание болгар, на первый план выходила не система ценностных ориентиров, а соблюдение традиционных обрядов.

Первостепенное внимание русские власти уделяли духовному образованию священнослужителей. Духовные училища в городах Самокове и Лясковце были превращены в семинарии, где молодых болгарских священников обучали воспитанники русских духовных академий. Выделялись специальные средства для улучшения материального положения болгарского духовенства. Поддерживались священнические братства, которые создавались в целях содействия образованию местного духовенства, улучшения церковного богослужения и религиозного просвещения народа.

Серьезной заботой российских властей было содействие восстановлению разрушенных церквей, которых в Болгарии было около 400.

Как отмечал в июле 1878 года П.В.Алабин, большая часть уцелевших храмов были в «жалком состоянии» и не имели «подобающего храму Божью подобия». Всем губернаторам был разослан циркуляр с просьбой предоставить сведения о состоянии церквей, числе прихожан, степени понесенного ущерба. За счет государственных субсидий и пожертвований, собранных славянскими комитетами в России, местным храмам выделялись денежные пособия, их снабжали книгами, церковной утварью, облачениями, колоколами. Создавались попечительские советы, которые занимались восстановлением храмов при участии местных властей. Помощь оказывалась болгарским храмам и на тех территориях, которые, по условиям Берлинского трактата, оставались под властью Турции.

Не только восстанавливались старые, но и строились новые храмы. Зримым воплощением духовных связей русского и болгарского народов, молитвенного единения двух Православных Церквей стало строительство Русского храма в Софии.

2. ПРИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ МИССИИ В БОЛГАРИИ

Когда русские войска под командованием И.В.Гурко освободили от турок Софию 23 декабря (4 января) 1877г., перед ними предстал типичный захолустный восточный городок с двадцатью тысячами жителей. За частоколом минаретов купола церквей и не просматривались. Из двенадцати великолепных православных храмов в центре города уцелели лишь две крохотные церквушки, согласно турецкому закону, наполовину врытые в землю, дабы кресты не возвышались над мечетями. Древний, некогда блестящий храм Св. София, давший в свое время имя городу, еще в XVI веке был превращен в мечеть, а после двух разрушительных землетрясений лежал в руинах, и использовался турками как склад боеприпасов. На месте чудесного храма Св. Иоанна Предтечи – центральная мечеть, в фундаменте которой и по сей день можно видеть оскверненный алтарь. В самом центре Софии – остатки римского некрополя, брошенные турецкие казармы, конный рынок, сновавшие повсюду разносчики кофе в фесах и стаи бездомных собак.

Историки не знают, кто и когда впервые высказал идею строительства Русского храма в Софии. Доподлинно известно, что 7 июля 1879г. между Российской империей и Болгарией были установлены дипломатические отношения, в Софии начала свою деятельность российская дипломатическая миссия, а у русских людей в то время существовало незыблемое правило – начинать обустройство своей жизни с возведения храма.

В 1882г. Софийский городской совет выделил под строительство храма участок земли в 1400 кв. м на месте разрушенной рыночной мечети, который специальным постановлением был передан в дар российскому правительству. Таким образом, идея строительства Русского посольского

храма в Софии возникла практически сразу после завершения победоносной Освободительной русско-турецкой войны 1877-1878гг. Русский храм создавался по указу российского императора как домовая посольская церковь, т.е. для окормления сотрудников дипмиссии и тех русских людей, которые в тот период находились в Болгарии, а их было не мало.

Еще перед началом военных действий при главном командовании российских войск была создана «Канцелярия гражданского управления освобожденными за Дунаем территориями» во главе с князем В.А.Черкасским. 10 июня 1877г. Российский император подписал воззвание к болгарам, в котором подчеркивалось, что «задача России – создавать, а не разрушать», для управления на освобожденных территориях «немедленно будут привлечены местные жители», « болгарские дружины послужат основой для местной болгарской силы, предназначенной для охраны всеобщего порядка и для безопасности». « Не месть будет руководить нами, - говорилось в воззвании,- а сознание строгой справедливости, стремление создать постепенно право и порядок там, где доселе господствовал лишь дикий произвол».

Первоочередной задачей русского Гражданского управления было оказание помощи болгарским беженцам (их было не менее 200 тысяч человек). Им безвозмездно выдавались денежные пособия, продовольствие, вещи. По мере продвижения русских войск на освобожденных территориях османская администрация заменялась новым государственным аппаратом: во главе губернских и окружных управ сначала были поставлены русские офицеры и чиновники, которые по мере подготовки национальных кадров замещались болгарской администрацией. Создавались органы местной власти, советы старейшин и административные советы. Для подготовки проектов улучшения экономической и культурной жизни болгар В.А.Черкасский встречался с учеными, представителями болгарской эмиграции. После внезапной кончины Черкасского (в день заключения Сан-Стефанского мира) его сменил командовавший корпусом во время войны опытный военный администратор генерал А.М.Дондуков – Корсаков, получивший после подписания Берлинского договора титул Верховного комиссара. Он имел директиву императора, соображаясь с желаниями болгарского народа, ко времени выступления русского оккупационного корпуса из Болгарии обеспечить условия, чтобы местное население могло «всецело вступить в управление страной». И действительно, к моменту ликвидации гражданского управления в 1879г. в княжестве было около 3 тысяч болгарских чиновников и около 150 русских.

Под руководством А.М.Дондукова-Корсакова был создан Общий совет, в который наряду с руководителями отделов, соответствующих различным отраслям управления, вошел Болгарский Экзарх и все болгарские епархиальные архиереи. Совет провел огромную работу по административному, судебному, финансовому и военному устройству страны.

Первостепенное внимание уделялось созданию болгарской армии. Под руководством русских офицеров на базе ополчения было сформировано земское войско (к началу 1879 г. оно насчитывало около 25 тысяч обученных бойцов), которому из резервов русских вооруженных сил безвозмездно было передано вооружение, обмундирование и несколько военных судов. В Восточной Румелии, которой угрожала опасность вторжения турецких войск, при содействии русских властей кроме милиции были созданы сельская стража и стрелково-гимнастические общества.

За короткий срок русским Гражданским управлением в Болгарии были созданы армия, суд, финансовая и налоговая системы, были заложены основы почтовой и телеграфной службы, ликвидированы все формы феодальной зависимости. Были предприняты первые шаги для развития просвещения, науки и культуры, оказывалось содействие в восстановлении разрушенных церквей. Для 58 храмов были доставлены церковные облачения, денежные пожертвования Московского и Петербургского славянских благотворительных обществ были переданы 25 болгарским храмам. Совет разработал и проект конституции Болгарии. Основная заслуга в этом принадлежит С.И.Лукьянову, действительному статскому советнику Министерства юстиции России, начальнику судебного отдела в Совете императорского комиссара.

10 февраля 1879г. в средневековой столице Болгарии Тырново А.М.Дондуков-Корсаков открыл Учредительное собрание и вынес на утверждение предварительно одобренный в Петербурге проект конституции, которая для своего времени была одной из самых демократических. Конституция была утверждена 16 апреля. Созванное 17 апреля 1879г. первое Великое Народное собрание избрало князем 22-летнего гессенского принца Александра Баттенберга, лейтенанта прусской армии, сына австрийского генерала. Он был компромиссной для великих держав фигурой, поскольку находился в родстве со многими царствующими в Европе династиями, в частности, доводился племянником русской императрице. Он не скрывал своего желания управлять страной « без вредных либеральных привычек» и мечтал превратить Болгарию в «балканскую Пруссию». В те же дни А.М.Дондуков-Корсаков, передав власть князю, выехал со своими помощниками из страны. Тем не менее, в Софии оставалась значительная группа русских военных и гражданских чиновников.

Для строительства храма при русском посольстве был создан специальный комитет, который организовал сбор пожертвований. Пожелавших внести свою лепту в строительство посольского храма среди русских и болгар было так много, что в народе сложилось мнение, будто он построен на добровольные пожертвования. В действительности основная часть средств была выделена по личному указу императора из российской казны.

Однако начало строительства затянулось. Русский храм создавался как посольский, а потому его возведение и последующая деятельность в значительной степени определялись характером взаимоотношений между

Россией и Болгарией, которые не были равными даже в первые годы после освобождения страны от турецкого рабства.

Болгария жила идеей объединения всех болгарских земель в единое независимое государство. Не имея политического опыта и навыков стратегического мышления, некоторые болгарские политические деятели ради осуществления своего политического идеала делали поспешные и непродуманные шаги, действуя в соответствии с македонской поговоркой: «Кто даст, за того и буду». В своем «нетерпеливом желании пожить скорее независимой государственной жизнью», - отмечал К.Леонтьев, - все эти народы, выросшие под крылом России, «хотят уже жить по-своему, не справляясь с ее выгодами, не понимая даже иногда, чем и как они могут вредить ей». Берлинский трактат делал балканские государства заложниками противоборства великих держав за преобладающие позиции в регионе, их искусно стравливали между собой, противопоставляли России, разжигали антироссийские настроения. В сложных хитросплетениях международной политики российское правительство, в свою очередь, также не всегда делало правильные шаги и верный выбор.

В августе 1886г. князь Баттенберг отрекся от престола. До избрания нового князя в стране было создано регентство во главе со С.Стамболовым, а в ноябре последовал разрыв дипломатических отношений между Петербургом и Софией, которые были восстановлены лишь спустя десятилетие.

Болгарская Православная Церковь тяжело переживала разрыв отношений с Россией – среди духовенства было много русских воспитанников. Неприятие вызывал не только антироссийский курс болгарских властей. Болгарская Церковь столетиями была хранителем исторической традиции, объединителем болгарского народа в борьбе за церковную и государственную независимость, однако в освобожденной Болгарии, как оказалось, по протестантскому образцу ей была предуготовлена лишь роль ведомства, обязанного обслуживать «государственные интересы».

Под влиянием общего духовного кризиса в Европе, секуляризации общественного сознания строители новой Болгарии порывали полностью или частично с традиционными верованиями и миропредставлениями своих предков, открыто провозглашали ее духовные ценности и функции анахронизмом и демонстрировали пренебрежительное отношение к Церкви. Следствием потери и длительного отсутствия собственной государственности было исчезновение в обществе ощущения неразрывной связи между духовными ориентирами прошедшего, настоящего и будущего. Возобладали « прогрессивные идеи» земного благополучного государствоустроения, равнение на Европу. Конституция провозглашала православие главной конфессией в Княжестве, однако Церковь признавалась автономной, ее не охранял закон, более того, болгарский парламент дополнил конституцию статьей о свободе совести с правом перехода в другую веру. Духовенству было отказано в праве избираться в парламент,

преподавать вероучение в школах, осуществлять цензуру религиозных изданий, предназначенных для церквей и школ. Болгарские политические партии и их лидеры не выказывали никакого интереса к судьбе Церкви, урегулированию ее отношений с государством, в лучшем случае признавая ее роль как инструмента объединения разрозненных частей болгарского народа - ведь границы Болгарской Церкви были шире границ Болгарского княжества. Следствием этого стал серьезный кризис в отношениях между Церковью и государством, который проявился практически сразу после окончания мандата русского Гражданского управления в Болгарии и затянулся на десятилетия, то затухая, то вспыхивая с новой силой.

Разработка в обход Св. Синода и Экзархата в 1880г. «Временных правил духовного управления христиан, мусульман и евреев», а затем Экзархийского Устава 1883 и 1895гг. были направлены на то, чтобы поставить Церковь под контроль государства, провозглашали принцип несоборного управления Церковью. В 1880г. было закрыто духовное училище в Самокове, в 1886г. – семинария в Лесковце. При правительстве С.Стамболова дело дошло до открытых репрессий против Церкви: в 1888г. был разогнан Св. Синод и перемещен в провинцию, что лишило его возможности регулярно собираться. Власти бесцеремонно вмешивались в дела епархий, продвигали на высокие посты удобных владык, расправлялись с проявлявшими непокорность. Современники отмечают, что болгарское духовенство находилось в безусловном подчинении мирских руководителей, не оно вело за собой народ, а было ведомым.

В июле 1897г. Великое народное собрание избрало князем австрийского офицера, потомственного немецкого аристократа Фердинанда Саксен-Кобургского, который, как и его предшественник, не любил православие и остался католиком. Русский дипломат князь Г.Н.Трубецкой, общавшийся с болгарским венценосцем, свидетельствовал: «Свой народ Фердинанд не любит. Он не стеснялся презрительно отзываться о нем...». Женившись на католичке принцессе Марии-Луизе Пармской, Фердинанд заявил, что его потомство будет пребывать в католичестве, а это было прямым нарушением 38 статьи Тырновской конституции, согласно которой, в случае, если избранный болгарский князь будет не православным, наследник его непременно должен принять Православие.

Конфликт властей с Церковью достиг своего апогея. Антирусский курс Стамболова встречал противодействие значительной части иерархов. Они отказывались почитать главу болгарского государства как инославного, выступали против прославления католических святых, проведения панихид по католикам и протестантам, вопреки запретам властей поминали на литургиях российского Царя-освободителя. Тырновский митрополит Климент, произнесший знаменитые слова: «Есть у нас православие – есть болгарский народ, нет православия – нет болгарского народа», был брошен в заточение в Гложенский монастырь. Пытаясь сломить сопротивление Экзарха Иосифа, который противился крещению наследника в католичество, Стамболов не побрезговал использовать для давления на него свои связи с

турецкими чиновниками. Экзарх Иосиф записал в своем дневнике: « Мне, Экзарху, не позволено высказать свое мнение по вопросу, подвергающему веру народа серьезной опасности».

Несмотря на протест Болгарской Церкви и неодобрение народа, Фердинанд отменил неудобную статью, крестил в католичество своего первенца и в телеграмме папе Льву XIII сообщил, что «гордится основанием в Болгарии католической династии». Один из видных болгарских политических деятелей К.Стоилов записал в своем дневнике: « Князь и наследник другой веры никогда не срастутся с народом, навсегда останутся иностранцами...Мы боремся против иностранной религиозной пропаганды в Македонии, а принимаем ее в нашем дворце».

Борьба за преобладание между церковной и светской властью ослабляла Болгарскую Церковь, вызывала упадок веры, подрывала духовное, а значит и гражданское единство болгарского народа, формировала непочтительное отношение к институту власти. Усугубляли положение Церкви последствия схизмы – отсутствие полноты канонического общения с другими православными Церквями.

По свидетельству современников, Фердинанд испытывал к России «чувство непреодолимой антипатии и известного страха», однако он не мог не считаться с ней как с великой державой, имевшей в болгарском народе большой авторитет, и понимал, что без согласия России невозможно его признание Европой. Для наведения мостов Фердинанд использует хорошо известного в России и авторитетного в Болгарии митрополита Тырновского Климента, только что освобожденного из застенков стамбуловского режима. Летом 1895г. в Петербург направляется делегация во главе с митрополитом, в которую вошли министры здравоохранения, юстиции, знаменитый писатель и поэт И.Вазов.

Делегацию принял Николай II, который заявил, что прием этот оказывается болгарскому народу, в чувствах которого Россия никогда не сомневалась, а не «группе людей, именующих себя болгарским правительством». Митрополит Климент обратился к российскому императору с горячими словами: « Простите нас, Государь! Мы виноваты перед Вами и сознаем тяжкую вину нашу перед Вашим великим Родителем!...Возвратите прежнее благоволение и покровительство народу и духовенству. Нас окружают враги, не предоставляйте нас самим себе». Император ответил, что ему хорошо известно, что не народ и духовенство виноваты во всем происшедшем и добавил: « Потерпите еще немного, все будет сделано своевременно. Есть еще вопросы и европейской политики, и другие, которые надо разрешить...А о врагах ваших не беспокойтесь. Мы за ними следим и не дадим вас в обиду». Именно с этой встречи начинается процесс нормализации российско-болгарских отношений.

Главным и обязательным условием нормализации отношений Петербург считал крещение болгарского престолонаследника в Православие. И это не было прихотью российского императора. Россия вступила в войну с Турцией ради освобождения братьев по вере, которым грозило физическое

истребление. Не имея планов территориальных захватов на Балканах, Россия рассчитывала укрепить там свое идейное и политическое влияние и была заинтересована, чтобы Болгария была православным, дружественным и сильным государством.

Понимая, что без России Болгария не сможет избавиться от пут Берлинского трактата, Фердинанд решил уступить России и желанию болгарского народа. Несмотря на угрозу римского папы об отлучении и предупреждение императора Франца-Иосифа о начале войны против Болгарии, в начале ноября 1895г. Фердинанд просит российского императора Николая II стать крестным отцом его двухлетнего сына. При этом болгарский князь пытался схитрить и под видом православного таинства совершить над наследным принцем униатский обряд. Узнав об этом от министра иностранных дел князя А.Б.Лобанова-Ростовского, Николай II был категоричен: « Я ни за что не соглашусь быть крестным отцом Бориса, если Фердинанд думает нас подставить».

Вынужденный по внешнеполитическим причинам добиваться примирения с Россией, в январе 1896г. князь Фердинанд издал специальный манифест, в котором объявлял о своем решении крестить престолонаследника « по обряду нашей народной Православной Болгарской Церкви». Когда после тщательной проверки Лобанов-Ростовский убедился, что крещение действительно будет по православному обряду, российский император дал свое согласие заочно стать крестным, прислав в качестве свидетеля графа А.А.Голенищева-Кутузова, управляющего канцелярией вдовствующей императрицы.

2 февраля 1896 года двухлетний Борис Клеменс Роберт Мария Пий Людвиг Станислав Хавьера принц Саксен Кобург Гот был крещен по православному обряду. Правда, в узком кругу Фердинанд уверял, что будет воспитывать сына католиком. Факты говорят, что царь Борис не был твердым приверженцем православной веры, был склонен к мистицизму и суеверию, увлекался идеями П.Дынева (основатель оккультной секты), а в 1930г. в присутствии Бенито Муссолини и царя Фердинанда венчался в храме близ Пизы с католичкой Джованной Савойской, дочерью итальянского короля Виктора Эммануила.

За крещением наследника последовало отлучение Фердинанда от католической церкви, но зато и официальное признание его Россией, а затем и всеми европейскими государствами в качестве князя Болгарского. Тем не менее когда 17 августа 1898 года российский посланник в Софии Г.П. Бахметев направил в министерство иностранных дел России доклад о своевременности сооружения русского православного храма при российском дипломатическом представительстве в виду изменившихся политических обстоятельств, «чтобы этим самым подчеркнуть в глазах болгарского народа духовную связь его с Российской Империей», императорское правительство посчитало строительство храма преждевременным. В Петербурге с недоверием относились к сложной политической игре болгарского князя, его проавстрийскому внешнеполитическому курсу.

Фердинанд попытался, как тогда выражались, «ублаготворить» Россию. Он заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного солнца». С его одобрения в 1902 году было организовано всенародное празднование в честь 25-летия освобождения Болгарии. В Софию прибыли выдающиеся русские военачальники, герои русско-турецкой войны, легендарный «Рыцарь Балкан» граф Н.П.Игнатьев. Началось массовое строительство памятников в ознаменование подвига русских солдат, в том числе великолепного мавзолея в Плевне, величественного храма-памятника св. благоверного князя Александра Невского в Софии.

28 мая 1902г., принимая князя Фердинанда, который привез в Петербург макет памятника Царю-Освободителю, Николай II отметил, что приезд членов комитета по сооружению памятника особенно радует как свидетельство памяти болгарского народа об Александре II, «призвавшем к самостоятельной жизни юное славянское княжество». Российский император произнес тост: «...за здоровье князя Фердинанда Болгарского, княжича Бориса, Моего возлюбленного крестника, и за процветание дорогой Моему, да и сердцу всякого русского Болгарии».

В 1903 году во время визита князя Фердинанда в Петербурге была подписана тайная русско-болгарская конвенция, по которой Россия брала на себя обязательство быть гарантом территориальной целостности Болгарии. 22 сентября 1908 года Фердинанд провозгласил себя царем независимого Болгарского царства, покончив с вассальной зависимостью от Турции. Николай II считал провозглашение Болгарского царства преждевременным, полагая, что этот акт должен был бы стать праздником всего славянского мира, а не частным соглашением со злейшими врагами славянства – австрийской и турецкой империями. Тем не менее, российский император направил поздравительную телеграмму царю Фердинанду. Россия первой признала независимость Болгарии и оказала ей серьезную политическую и финансовую помощь. Таким образом, когда отношения между двумя странами стабилизировались, российское правительство вернулось к рассмотрению вопроса о строительстве посольского храма.

Министр иностранных дел В.Н.Ламздорф 15 августа 1907 года направил доклад императору Николаю II, в котором подчеркивалось: «Ныне же, когда болгарский народ и Правительство стараются всеми средствами выказать воодушевляющее их чувство признательности и искреннее желание идти по пути единения с Россией, что ярко сказалось в недавно оказанном Болгарии торжественном и сердечном приеме посетившего страну Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича, казалось бы действительно наступило время привести в осуществление высказанное представителями г. Софии пожелание иметь в столице Княжества русский храм». В докладе содержалось ходатайство о выделении на постройку храма согласно смете шестидесяти пяти тысяч рублей.

28 августа 1907 года российскому посланнику была направлена телеграмма: «Государю Императору благоугодно было выразить согласие на

закладку храма во имя Св. Николая. Св. Синод благословил произвести закладку во имя этого Святого». По традиции посольские храмы посвящались небесному покровителю царствующего российского государя. Из государственной казны были выделены необходимые денежные средства, щедрый вклад внес и император.

Храм был заложен Великим князем Владимиром Александровичем (сыном императора Александра II), который специально прибыл в Софию вместе с супругой Великой княгиней Марией Павловной и сыном Великим князем Андреем Владимировичем. 30 августа 1907 года высокие гости участвовали в торжественном освящении памятника Царю-освободителю, а 2/15 сентября 1907 состоялась церемония закладки посольского храма. По углам будущего основания строения были установлены четыре мраморных камня, на которых золотыми буквами были выбиты инициалы Великого князя Владимира Александровича, его супруги, сына и князя Бориса, будущего царя Болгарии. В церемонии участвовали и болгарские официальные лица, члены Святого Синода Болгарской Церкви, престолонаследник князь Борис, а также представители российского посольства во главе с посланником Д.К.Сементовским-Курило и большая депутация от русских полков, воевавших за освобождение Болгарии. Чин освящения во имя Святителя Николая возглавлял митрополит Софийский Парфений.

Посольский храм решено было построить в стиле московской церковной архитектуры XVII века по проекту признанного мастера академика М.Т.Преображенского (автора православных соборов в Ницце, Флоренции и многих других). Руководил строительством другой русский человек – архитектор А.Н.Смирнов, также уже зарекомендовавший себя с лучшей стороны прежними своими работами по церковному строительству. Так, под его руководством в 1902 году был сооружен великолепный храм-памятник Рождества Христова на Шипкинском перевале, он контролировал возведение храма-памятника св. благоверного князя Александра Невского в Софии. А.Н.Смирнов брался за возведение храма согласно проектным и детальным чертежам, расчетам и смете, составленным М.Т.Преображенским. За работами по сооружению посольского храма наблюдала специально созданная строительно-хозяйственная комиссия под личным председательством посланника, в которую входили сотрудники российского посольства и вице-консульства в Софии. Так, в 1911 году помимо посла А.В.Неклюдова в комиссии работали князь Л.В.Урусов, военный атташе подполковник Ю.Д.Романовский, вице-консул К.И.Джакелли, Н.И.Дубягский. В обязанности комиссии входил и финансовый контроль. Сохранившиеся документы свидетельствуют об очень рачительном подходе членов комиссии к делу: как хорошие хозяева они не позволяли расточительности, но в то же время заботились о надлежащем уровне качества всех производимых работ. Нельзя не отметить и тот факт, что и архитекторы, и художники запросили за свою работу очень умеренную плату, считая за честь участвовать в столь благородном деле.

Весной 1910 года для окончания строительных работ и отделку храма по распоряжению государя было выделено дополнительно 75 тысяч франков, поскольку первоначальная смета составлялась несколько лет назад в расчете на более низкие цены и не включала расходы на внутреннюю отделку. В основном строительство храма было завершено в 1911 году: рядом с царским дворцом можно было видеть «Софии русский уголок» – в окружении березок небольшая церковь, соединенная красивой аллеей со зданием российского посольства, подлинный шедевр «русского стиля» в церковной архитектуре.

Стоящий на возвышении храм, высота которого от основания до креста на центральной башне составляет 35 м, хорошо виден со всех сторон. В основе его конструкции - бесстолпный четверик, к которому прилегают четыре выступа: алтарная апсида в восточной части, апсида с возвышением для хора – в западной и два нефа - северный и южный, к которым примыкают два входа – со стороны посольского сада и со стороны бульвара «Царь-освободитель». Действующим входом был северный, откуда вела калитка, соединяющая храм с территорией посольства. По праздникам пользовались южным входом, перед которым был сооружен полуовальный подъезд для экипажей. Площадка перед южным порталом ограждена изящной кованой решеткой, а по обеим сторонам входа на литых чугунных столбах с изображением двуглавых орлов установлены фонари – это искусная работа прославленных тульских мастеров. Покрытая зеленой поливной черепицей двускатная кровля над каждым входом искусно стилизована под древнерусский терем. Фронтоны южного и северного крыльца украшены майоликовыми образами Святителя Николая и святого благоверного князя Александра Невского. Над северным входом – небольшая звонница с восемью колоколами.

Храм пятиглавый: вокруг возвышающейся на граненом шатре центральной главы крест-накрест расположены четыре декоративные главки с вызолоченными луковичными завершениями. Все они, возникающие из венца полусферических кокошников с многоцветными глазурными вставками, увенчаны русскими восьмиконечными крестами. Широкий фриз, опоясывающий верхнюю часть четверика, составлен из изразцов с рельефным орнаментом. Одного взгляда достаточно, чтобы безошибочно определить – это русский храм.

В течение двух лет шла работа над внутренней отделкой и росписью, которая осуществлялась группой русских художников, одновременно расписывавших собор св. Александра Невского. Ими руководил опытный мастер церковной живописи В.Т.Перминов, профессор Варшавского Политехнического Института. Перед художниками российские власти поставили задачу, чтобы церковь «могла быть в родственной нам стране достойным памятником русского искусства, соответствующим значению здесь русского имени и всего, что с ним связано».

Художественное убранство Свято-Николаевского храма – великолепный образец русской иконописи эпохи модерна. Выразителен

находящийся в алтаре запрестольный образ Богоматери с младенцем в окружении Небесных Сил. Композицию венчает изображение на полусферическом своде Бога Отца. На южной стене храма – изображение распятого Христа с предстоящими, под ним выполненная славянской вязью строчка из литургического песнопения Великой Субботы: «Да молчит всякая плоть». На северной стене – композиция Деисуса, на которой изображен Христос – Великий Архиерей, которому предстоят в молении Богородица в царском одеянии и св. Иоанн Предтеча, а внизу сонм святых, олицетворяющих Торжествующую Небесную церковь. На своде западного выступа изображен Иисус Христос «Во славе» над сонмом русских святых. Позднее северный неф храма украсила композиция Воскресения Христова, выполненная признанным мастером церковной живописи русским художником эмигрантом из Харькова Н.Е.Ростовцевым. Его же кисти принадлежат большие иконы в южном нефе: Пресвятой Богородицы, Святителя Николая Чудотворца, преподобных Иоанна Рильского, Сергия Радонежского и Серафима Саровского чудотворцев.

Великолепен одноярусный майоликовый иконостас с цветным орнаментом по золотому фону, на котором расположены иконы Спасителя, Богородицы и св. Александра Невского – прекрасные копии с икон кисти В.М.Васнецова во Владимирском соборе в Киеве. Храмовый образ св. Николая Чудотворца – список с находящейся в том же соборе иконы работы М.В.Нестерова. Обращение именно к этим шедеврам иконописи великих русских художников не случайно – это напоминание о России, призыв к горячей молитве за нее.

5 июля 1912 года на яхте «Штандарт» Николай II поставил на тексте закона об установлении штата православного храма при императорской российской миссии в Софии свою резолюцию: «Быть по сему». Первым настоятелем был назначен рукоположенный в сан священника дьякон Венской посольской церкви Петр Преображенский, а псаломщиком Николай Макаров, переведенный из болгарского города Ямбол, где он служил в русском храме-памятнике св. благоверного князя Александра Невского. Для содержания церковного хора российский посол предлагал оставить вакантной одну должность причетника церкви, с тем, чтобы использовать отпускаемые на его жалованье средства на содержание «приличного хора минимум в 16 душ», который «должен являться образчиком строго выдержанного церковного пения и тем служить возрождающим примером для болгарской церкви». Регента приглашать из России не пришлось, так как за организацию четырехголосного смешанного хора взялся драгоман (переводчик) дипмиссии П.Кирияков.

Прибыв в Софию, настоятель пришел к выводу о недостаточной готовности храма к освящению и к открытию для общественного богослужения. Возражения вызывала часть стенной росписи, которая, по мнению П.Преображенского, была выполнена не по установленному церковному канону, о чем он сообщил в своем донесении в МИД в октябре 1913 года. Завершение отделки храма затянулось и потому, что с самого

начала не заладились отношения между настоятелем и главой российской дипмиссии А.А.Савинским, который 5 февраля 1914 года обратился в МИД с просьбой заменить П.Преображенского, так как тот был с ним «груб», «занимается политикой и любит разговаривать с болгарами на политические темы» и по манерам является «абсолютно неподходящим к заграничной службе вообще». Просьба его была удовлетворена, и в марте 1914 года настоятелем церкви в Софии назначен архимандрит Николай (Дробязгин), служивший в церквях Баден-Бадена и Карлсруэ, а на его место направлен П.Преображенский.

Тем временем завершалась работа по подготовке храма к освящению: из России были доставлены богослужебные книги, сукно для алтаря и предметы церковной утвари, специально заказанные промышленному товариществу «П.И.Оловянишникова сыновья». Иконы для церкви были изготовлены на фабрике И.А.Жевержеева. Несколько позднее Кабинетом его императорского величества храму была передана пожалованная императором аналойная икона Святителя Николая в серебряно-золоченом окладе, украшенном драгоценными камнями, в дубовом киоте.

11/24 ноября 1914года при большом стечении народа, в присутствии главы российской миссии А.Савинского и дипломатов дружественных России государств чин освящения храма совершил митрополит Доростольский и Червенский Василий, замещавший тяжело болевшего главу Болгарской Церкви Экзарха Болгарского Иосифа I. Ему сослужили протосингел (главный секретарь) Экзарха архимандрит Стефан (впоследствии митрополит Софийский, а в 1945-1948гг Экзарх Болгарский), настоятель храма архимандрит Николай, а также русский иеромонах Ювеналий и болгарский иеромонах Харитон. Замечательно пел хор Софийского кафедрального собора под управлением Н.Николаева.

Освящение русской церкви болгарским духовенством в сослужении с русским было событием знаменательным. Впервые после провозглашения Болгарской Экзархии Св. Синод Русской Церкви обратился к главе Болгарской Церкви с просьбой лично освятить посольский храм в Софии, что свидетельствовало о стремлении к восстановлению канонического общения. Болгарский Экзарх Иосиф назвал это событие началом братского единения двух православных церквей. В своих телеграммах, направленных императору Николаю II и Петроградскому митрополиту Владимиру он благодарил Русскую Церковь за протянутую братскую руку. После божественной литургии архимандрит Стефан обратился к собравшимся с проникновенным словом: «...Будем жить в единомыслии и любви в полном братолюбии и единении».

Поддержка Русской Церкви была особенно важна, так как Болгарская Церковь переживала очередное обострение кризиса в отношениях с государством. Еще в 1911г. комиссия Св. Синода констатировала, что Болгарская Церковь «живет жизнью одинокой, изолированной от других православных церквей... и как следствие многие

болгары принимают церковь нашу не как Божественное учреждение с чисто духовными задачами, а как светское, национальное или политическое учреждение». После поражения Болгарии в Межсоюзнической войне 1913г. Фердинанд стал открыто заявлять, что «нет другого спасения для Болгарии, кроме возвращения в Рим», велись переговоры о принятии унии с Римской церковью, в стране значительно усилилась католическая пропаганда. Болгарская Церковь же видела спасение только в Православии. Приняв широкое участие в освящении Русского посольского храма, болгарская общественность в свою очередь продемонстрировала свою верность духовным узам с православной Россией в дни, когда запылали пожарища первой мировой войны, и было уже очевидно, что в этом конфликте Болгария и Россия окажутся по разные стороны баррикад.

В качестве домово́й посольской церкви Русский храм просуществовал совсем недолго, и этот период совпал с настоятельством архимандрита Николая (Дробязгина).

Он происходил из старинного дворянского рода. Его отец был губернатором Харькова, а мать, урожденная Акимова, сестрой известного председателя Государственного Совета. Получив прекрасное образование, Николай Дробязгин сделал блестящую карьеру, став морским офицером. В юности он не просто интересовался оккультным мистицизмом, но и поддерживал тесные связи с оккультистами, и даже был редактором оккультного журнала «Ребус». А потом в его жизни было чудо. Спасенный от неминуемой гибели в морской пучине чудесным вмешательством Серафима Саровского, он совершил паломничество в Саров, внезапно отказался от мирской карьеры, порвал связи с оккультистами, стал послушником Глинского старца Илиодора, а затем постригся в монахи.

Приняв священнический сан, был сотрудником миссий в Китае, Индии, Тибете, Персии, Иерусалиме, служил в различных посольских храмах и как настоятель нескольких монастырей. Близко знавшие его люди отзывались о нем как о человеке веселом, необыкновенно добром. Кто-то отмечал, что он не был похож на монаха, был очень быстрым, любил побалагурить, однако строго соблюдал монашеское правило и бедность терпел удивительную.

Известен поразительный рассказ архимандрита Николая «Чудо факира и Иисусова молитва», записанный доктором А.И.Тимофеевым около 1899г. Это история о том, как отец Николай с группой путешественников оказался на острове Цейлон, где им показали местного колдуна-факира, который продемонстрировал «медиумный трюк». Изумленные путешественники вдруг наяву, как бы с высоты птичьего полета, увидели море, свой корабль и ...себя на его палубе. Наваждение было необоримо, всех охватил ужас. Отец Николай принялся горячо шептать Иисусову молитву, и вскоре мираж рассеялся, а факир упал и, казалось, потерял сознание, а когда пришел в себя, то бросил на отца Николая взгляд, полный ненависти. «Этот взгляд,- признался отец Николай,- открыл мне глаза на то,

чьими силами действительно произведено это « чудо». Этот рассказ приводит Серафим Роуз в своей книге «Православие и религия будущего».

Пребывание архимандрита Николая в Болгарии было коротким: менее чем через год он был отозван в Россию, так как 6 сентября 1915 года Болгария вступила в первую мировую войну на стороне Германии. Идея «Великой Болгарии» настолько занимала Фердинанда, что он готов был идти на союз с любой державой, которая гарантировала осуществление его мечты. Больше всех, по его мнению, на это были способны Германия и Австрия. По словам российского министра иностранных дел С.Д.Сазонова, в самых смелых своих мечтах Фердинанд видел себя византийским императором, коронуемым в присоединенном к Болгарии Константинополе.

В октябре 1915г. Болгария оказалась в состоянии войны со странами Антанты, включая и Россию. 5 октября 1915 г. император Николай II подписал высочайший манифест, в котором выразил отношение России к этому событию: « Россия и союзные нам великие державы предостерегали правительство Фердинанда Кобургского от этого рокового шага. Исполнение давних стремлений болгарского народа – присоединение Македонии было (бы) обеспечено Болгарии иным, согласным с интересами славянства путем, но внушенные германцами тайные корыстные расчеты, братоубийственная вражда к сербам – превозмогли. Единоверная нам Болгария, недавно еще освобожденная от турецкого рабства братскою любовью и кровью русского народа, открыто стала на сторону врагов Христовой веры, славянства и России. С горечью встретил русский народ предательство столь близкой ему до последних дней Болгарии, с тяжелым сердцем обнажаем против нее меч, предоставляя судьбу изменников славянства справедливой каре Божьей». В очередной раз дипломатические отношения между двумя странами были разорваны, и в ноябре 1915 года русская дипломатическая миссия покинула Болгарию.

Русский храм был временно закрыт, его имущество первоначально было оставлено под надзор церковного сторожа, который жил здесь же в подвальном помещении, а позднее по описи было передано на хранение голландскому посольству. Одних икон большого размера, согласно списку, было двадцать. Наиболее ценные предметы церковной утвари архимандрит Николай закрыл на замок в алтарном шкафу, а ключ взял с собой в Россию, вероятно, надеясь еще вернуться в Софию.

На Родине архимандрит Николай был духовником гвардейского флотского экипажа, есть свидетельства, что ему даже пришлось принять участие в боях как наводчику-артиллеристу. С 1917г. он обосновался в Киево-Печерской лавре, где в 1924г. был заколот неизвестными кинжалом с оккультной символикой.

Вновь Русский храм в Софии открылся только в январе 1920 года уже в новой исторической обстановке.

3. ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ВЛАДЫКИ СЕРАФИМА.

1. Посольский храм без посольства

Крушение Российской империи, братоубийственная война и страшные гонения богоборческой власти против церкви вызвали массовый исход русских людей из России. Болгарии суждено было стать одним из центров русской эмиграции на Балканах. Более 30 тысяч русских беженцев появились в Болгарии четырьмя волнами: весной 1919 г., зимой и весной 1920 г., поздней осенью 1920 г., летом-осенью 1921 г. Для кого-то из них Болгария была лишь временной остановкой на пути следования в Париж, Берлин, Прагу, и Белград, а для кого-то она стала «малой родиной» и землей, даровавшей вечный покой.

После окончания первой мировой войны и установления отношений болгарского правительства с антибольшевистскими армиями на юге России деятельность российского дипломатического представительства в Софии была возобновлена. В ноябре 1919 года генерал А.И.Деникин направляет туда на место посла А.М.Петряева, товарища министра иностранных дел во Временном правительстве, который прибыл в Софию 2 января 1920 года и разместился в здании российской дипмиссии. Настоятелем вновь открывшегося русского храма стал архимандрит Тихон (Лященко), магистр богословия, профессор Киевской Духовной академии, эмигрировавший в Болгарию в 1919 году.

С увеличением числа русских беженцев возрастало значение русского храма, и со всей остротой вставал вопрос о его дальнейшей судьбе в случае установления дипломатических отношений с Советской Россией. Эта проблема была предметом специального рассмотрения Совета русских послов в Париже, под контролем которого находились российские дипломатические представительства. Опасаясь закрытия русских церквей, в случае перехода посольств в руки представителей Советской России, председатель Совета С.Д. Сазонов 2 апреля 1920 года издал приказ русским миссиям создать при существующих храмах церковные общины, которые должны были бы в качестве правовых субъектов взять на себя управление храмами «до обновления законного правопорядка в России». С формально-правовой точки зрения это, по мнению Совета послов, позволило бы ликвидировать опасность их отчуждения и закрытия в будущем. А.М.Петряев с недоверием отнесся к такой идее, полагая, что встреча представителей различных политических групп на собрании по учреждению прихода может привести к всплеску ненужных политических страстей в русской колонии. Он считал более целесообразным, чтобы храм находился под управлением Российского общества Красного Креста за рубежом, которое объявило себя правопреемником РОКК, основанного в Петербурге в 1867 году на основании Женевской конвенции 1864 года. Летом 1920 года в Болгарию как раз прибыл уполномоченный этого общества Л.Е.фон Фельдман.

Петряев полагал, что как юридический институт Красный Крест надежнее приходского совета. И хотя идея формирования русского прихода при храме св. Николая в Софии не вызывала возражений болгарских церковных и гражданских властей, А.М.Петряев, занятый неотложными делами по организации помощи русским беженцам, не смог приступить к его созданию и после повторного решения Совета послов в январе 1921 года об организации церковных приходов, которым особым актом были бы переданы права использования церквей и их управления. Новый этап в истории Русской Церкви в Болгарии связан с именем архиепископа Серафима (Николай Борисович Соболев), который в мае 1921 года Высшим Церковным Управлением за границей был назначен настоятелем храма св. Николая при русском посольстве в Софии.

Архиепископ Серафим – один из выдающихся архиереев и богословов Русской Православной Церкви. Он родился 1/14 декабря 1881 года в Рязани, был десятым ребенком в семье чиновника Бориса Матвеевича Соболева. Его рождение, детство и юность сопровождалось знаменами, которые ясно указывали на духовное направление его жизненного пути. Благочестивая, глубоко верующая мать Мария Николаевна горячо желала, чтобы ее сын стал священнослужителем. Это совпадало с его собственным желанием. После окончания с отличием Рязанской духовной семинарии, в 1908 году он закончил с ученой степенью кандидата богословия Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Будучи студентом четвертого курса, 26.01/08.02 1908 года принимает монашество с именем Серафим, в честь прославленного в 1903 году преподобного Серафима Саровского. Затем был рукоположен в иеродиакона, а через месяц, 18/31 марта 1908 года, - в иеромонаха.

В течение десяти последующих лет отец Серафим работает преподавателем в Житомирской епархиальной школе, помощником смотрителя Калужской духовной семинарии, инспектором в Костромской духовной семинарии, ректором Воронежской духовной семинарии. В смутное время общественных волнений и духовных шатаний молодой пастырь проявлял необычайную твердость, мужество и бескомпромиссность в вопросах веры. Вместе с тем он отличался необыкновенной кротостью, смирением, добротой и любовью к ближним, чем снискал заслуженный авторитет и уважение своих коллег и воспитанников. Будущий архипастырь встречался со св.Иоанном Кронштадским, посещал знаменитых оптинских старцев иеросхимонаха Иосифа (Литовкина), схиархимандрита Варсонофия (Плиханкова), иеросхимонаха Анатолия (Потапова), открывал перед ними свое сердце, исповедовался и руководствовался их духовным опытом.

После октябрьского переворота 1917 года семинария в Воронеже была закрыта. Архимандрит Серафим стал свидетелем гонений и расправы над духовенством, он сам слышал стоны монахов Воронежского Митрофаньева монастыря, заживо зарытых в землю. Мать умоляла его бежать, однако архимандрит Серафим всегда и во всем искал волю Божию и обратился к прозорливому старцу иеросхимонаху Аарону, который

подвизался в Воронежском Задонском монастыре. Из его слов он понял, что промыслом Божиим предстоит ему попасть в «хорошую сторонушку». Накануне вступления Красной Армии в Воронеж архимандрит Серафим вместе со своим братом иеромонахом Сергием покидает город. На прощание мать благословила его образом Пресвятой Богородицы со словами: «Поручаю тебя Покрову Божьей Матери». Больше они не виделись, а материнское благословение хранило его всю жизнь.

В 1919 году архимандрит Серафим получил назначение на должность ректора Екатеринославской духовной семинарии, однако город был занят отрядами Махно, и он был назначен в еще свободный от красных Симферополь в качестве ректора Таврической духовной семинарии. 1/14 октября 1920 года, в праздник Покрова Божией Матери, в кафедральном соборе Симферополя архимандрит Серафим был рукоположен во епископа Лубенского. В конце октября, когда большевики ворвались в Крым, владыка попросил у архиепископа Таврического Димитрия благословения остаться в России. Архиепископ колебался и решил прибегнуть к жребию: «Если с Вами случится что-то плохое, я буду страдать, что дал свое благословение». После молитвы перед чудотворной иконой Божией Матери Курско-Коренной «Знамение» он вытащил листок с надписью «уезжать». 1/14 ноября 1920 года на пароходе «Херсонес» владыка Серафим вместе со своим братом отплыл из Севастополя в Константинополь. «Владыка, благословите Россию!» - вдруг обратился к нему кто-то. Он навсегда запомнил, как поднял руки и медленно, торжественно благословил отдаляющуюся родную землю.

После недолгого пребывания в Константинополе распоряжением Вселенской Патриархии владыка был назначен преподавателем догматики в Высшей Духовной школе на острове Халки, где читал лекции на греческом языке. «Вот и попали мы, Ваше Преосвященство, в хорошую сторонушку!», - сказал владыке близкий ему священнослужитель. «Постой, здесь же турки, мусульмане, какая же это хорошая сторонушка! - возразил владыка. - Погоди, даст Бог, увидим еще хорошую сторонушку!». И вскоре он действительно ее увидел! По ходатайству прихожан Свято-Николаевского храма в Софии, среди которых было много военных эмигрантов, знавших владыку по Константинополю, в мае 1921 года решением Высшего Церковного Управления за границей епископ Серафим был определен настоятелем храма св. Николая при русском посольстве в Софии и русского монастыря св. благоверного князя Александра Невского в Ямболе на место архимандрита Тихона, получившего назначение в Берлин.

6/19 мая 1921 года владыка Серафим вместе с братом прибыл в Болгарию. До конца своих дней ему предстояло жить в православной стране, которой правил царь Борис, крестник последнего российского императора, среди добросердечного народа, любившего русских только за то, что они русские, храня признательность к своим братьям-освободителям, любовь к русской культуре и русскому просвещению. И хотя отношение официальных властей к русским беженцам никогда не было последовательным и однозначным из-за сложной внутриполитической ситуации и хитросплетений

международной политики, народ принял русских очень доброжелательно, с сочувствием и любовью. Известную роль играл синдром вины перед Россией за участие Болгарии в первой мировой войне на стороне антироссийской коалиции. По словам А.М.Петряева, в стране царил «атмосфера кающихся грешников», болгары хотели искупить свою вину не на словах, а на деле, помогая русским людям, попавшим в тяжелое положение. Однако преобладающим было чувство признательности: многие считали, что Болгарии выпала великая честь – приютить потомков героев Шипки и Плевны, а их память свято чтит. В начале 20-х годов по инициативе царя Бориса был принят закон, по которому оказавшиеся в Болгарии русские ветераны – участники Освободительной войны 1877-1878гг. получили статус болгарских ополченцев и смогли получать положенную ветеранам войны пенсию. Этот жест с благодарностью был воспринят в русской диаспоре, несмотря на то, что выплаты русским ветеранам несопоставимы с долгом Болгарии в три миллиона золотых франков по займу, предоставленному императорским правительством Фердинанду 2 сентября 1912г., который так и остался невыплаченным.

Владыка ходил по улицам болгарской столицы, многие из которых носили имена русских городов и прославленных русских героев – улица «Московская», бульвар «Генерал М.Д.Скобелев», бульвар «Граф Игнатъев», бульвар «Князь Дондуков», улица «Подполковник Калитин», (герой, погибший с Самарским знаменем в руках)... Много русскому сердцу говорили софийские памятники: «Царю-освободителю – благодарная Болгария», «Русский памятник» – всем русским, погибшим за освобождение Болгарии, «Докторский памятник» – медицинскому персоналу, погибшему в годы освободительной войны. Не было языкового барьера, больше того – повсюду звучала русская речь! По свидетельству современников, в начале 20-х годов София вдруг превратилась в русский город: отели, рестораны, кафе заполнили русские люди, которых объединила общая судьба изгнанников. Владыку ждал благолепный храм на улице Царя-освободителя и многочисленная паства, нужды которой он понимал как никто другой, так как и сам он встал на путь изгнанничества.

Православная вера и религиозность были важнейшим элементом мировоззрения и самосознания подавляющей части русских дореволюционной России. В изгнании вера приобретала для них особое значение: она давала беженцам утешение, укрепляла дух, вселяла надежду, она несла образ той России, которую они потеряли. Многочисленная русская колония, а это в разное время от трех до восьми тысяч человек, была ориентирована на церковь, тянулась к ней, жаждала окормления. Владыке Серафиму удалось сделать Свято-Николаевский храм центром жизни русской Софии.

Прежде всего, владыка Серафим занялся организацией церковного прихода. В сентябре 1921 года в соответствии с приходским уставом, принятым на Поместном соборе в Москве (1918 г.), он организовал Русскую Свято-Николаевскую общину при храме русской миссии в Софии.

Председателем общины был избран сам владыка, его заместителем – член Высшего Церковного Совета С.М. Раевский, а секретарями – Н.П. Шурупов и полковник А.Л. Лисовский. Кроме них, в приходской совет были выбраны четыре священника, которые служили в храме: протопресвитер Георгий Шавельский, протоиерей Василий Флоровский, протоиерей Александр Рождественский и иеромонах Сергей (Соболев), а также девять мирян. Среди них генерал А.В. Арцишевский, уполномоченный Всероссийского союза городов, занимавшийся организацией русского учебного дела; профессор В.А. Погорелов, палеограф, составитель систематической описи болгарских рукописных книг; генерал Н.А. Романовский, глава управления военного представительства Врангеля; Л.Е. фон Фельдман, уполномоченный РОКК; княгиня Трубецкая. 8/21 сентября 1921 года приходской совет вступил во владение храмом и его церковным имуществом как правомочное лицо.

Формирование приходской общины и совета из наиболее авторитетных и деятельных людей русской колонии помимо того, что оживило приходскую жизнь, имело большое значение в свете последующих событий. Из-за изменения внешнеполитического курса официальной Софии летом и весной 1922 года, когда установление дипломатических отношений с Советской Россией казалось вопросом решенным, правительство А.Стамболийского проводит курс на ликвидацию армии Врангеля, обрушивает на русских эмигрантов политику репрессий и гонений. Заместитель шефа полиции Софии С.Трифонов сфальсифицировал «русский заговор», в результате чего произошли массовые аресты высокопоставленных русских офицеров и генералов, депортированных затем из страны. Так, 3 сентября в придел русского храма был подброшен ящик с оружием, который затем, якобы случайно, был обнаружен болгарской полицией и послужил компрометирующим доказательством заговора Русской армии против официальных властей. 5 сентября был арестован генерал Романовский, и изъят его архив. Сам С.Трифонов, уже находясь в эмиграции, сетовал, что за эту акцию представители советского Красного Креста заплатили ему значительно меньше, чем обещали – всего 20 тысяч левов и золотую табакерку.

А.М.Петряев тщетно протестовал, пытался защитить своих соотечественников, однако и сам вскоре стал жертвой подобной провокации. Продолжение его деятельности стало невозможным, он закрыл российское дипломатическое представительство и в начале 1923 года покинул страну. Русский посольский храм остался без посольства! Так из посольского храм стал по существу приходской церковью русских эмигрантов под юрисдикцией Русской Зарубежной Церкви. А это значит, что попечительство о его поддержании, содержание причта стало заботой исключительно приходской общины. Она же координировала контакты с официальными болгарскими властями, Болгарской Церковью, многочисленными эмигрантскими организациями. В здании российской дипмиссии разместилось созданное болгарским правительством смешанное русско-болгарское учреждение для урегулирования проблем эмигрантов – Комитет

по вопросам русских беженцев во главе с генералом Т.Куневым. В него вошли епископ Серафим, а также видные общественные деятели – профессор Базанов и князь Лобанов-Ростовский.

Другой вопрос, который требовал незамедлительного разрешения, касался взаимоотношений с Болгарской Православной Церковью, которая находилась под схизмой. В декабре 1921 года председатель Совета послов в Париже М.Н.Гирс обратился к управляющему русскими православными церквями в Западной Европе архиепископу Евлогию (Георгиевскому) с просьбой попытаться урегулировать церковные отношения между русскими и болгарскими священниками, на что получил отрицательный ответ. Положение владыки Серафима как епископа, находящегося в ареале иной поместной церкви, которая к тому же была под схизмой, крайне осложняло его деятельность в Болгарии. Подготовив обстоятельный доклад о болгарской церковной жизни, он выступил с соответствующим ходатайством перед Архиерейским синодом РПЦЗ и по его благословению стал первым православным архиереем, вступившим в евхаристическое общение с Болгарской Экзархией в период схизмы. Тем самым была продолжена линия в отношениях двух церквей, наметившаяся во время освящения русского храма в 1914 году.

27.12 1922/09.01.1923 года в день памяти св. первомученика и архидиакона Стефана в русском Свято-Николаевском храме владыка Серафим и протосингел Св.Синода епископ Маркианопольский Стефан отслужили совместную литургию – путь к преодолению препятствий канонического характера во взаимоотношениях двух церквей был проложен. В сентябре 1924 года болгарские и русские архиереи из Заграничного Св. Синода Русской Православной Церкви соборно отслужили Божественные литургии при освящении трех престолов храма-памятника св. Александра Невского в Софии. Впоследствии владыка Серафим многократно участвовал в совместных богослужениях с болгарским духовенством, принимал участие в рукоположении болгарских архиереев. Вклад владыки в восстановление канонического общения двух Церквей высоко оценил царь Борис, наградивший его двумя высокими болгарскими государственными наградами. В том, что 28.02/13.03 1945 года вопрос об упразднении схизмы был благополучно разрешен, и Болгарская Православная Церковь вступила в равноправное каноническое общение со всеми поместными православными церквями, была и заслуга архиепископа Серафима.

Болгарская Церковь всемерно помогала русским беженцам. За них горячо молились, их духовно окормляли в болгарских храмах. По всей Болгарии в церквях собирали пожертвования в пользу русских братьев. Знаменательно, что митрополит Стефан, будущий Экзарх Болгарский, в январе 1920 года возглавил первую организацию для оказания помощи русским эмигрантам - Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет. Один из русских беженцев вспоминал: «Безотказно помогает русским, насколько может, Болгарский Св. Синод, и, в особенности, очень многие эмигранты с чувством самой искренней признательности будут

вспоминать о бывшем представителе верховного комиссара Лиги Наций по делам о русских беженцах – еп. Стефане. Не из средств Лиги Наций, а исключительно благодаря своей энергии, отзывчивости, чуткому сердцу, он поддержал, накормил, обул, одел многие и многие сотни русских беженцев, многим выхлопотал визы в желательные для них страны и отправил их туда, наконец, помог своим участием и советом».

При том, что в общей массе беженцев представителей духовенства было очень мало, почти все они оказались в Югославии и Болгарии, поскольку попали за границу в основном с юга России вместе со своей паствой – русским воинством Белой армии, которое было размещено именно в этих странах. Болгарские церковные власти беспрепятственно зачисляли на службу русских священников, определяли их в монастыри, преподавателями в духовные училища и семинарии.

Кроме русского храма в Софии в Болгарии до первой мировой войны было еще два – на Шипке и в Ямболе. С прибытием многочисленных русских беженцев появилась потребность в открытии новых храмов. Болгарские церковные власти не только не чинили препятствий, но и оказывали всяческое содействие появлению русских церквей и русских православных общин в местах, где находились русские эмигрантские колонии, русские школы, части Русской армии, как например, в городах Русе, Пловдив, Варна, Шумен и других. В августе 1921 года специальным указом Святейшего Патриарха Тихона владыка Серафим был назначен управляющим русскими православными приходами в Болгарии на правах епархиального архиерея и был переименован в епископа Богучарского (Богучары – небольшой казачий город в Воронежской области).

Проблемы, с которыми сталкивались русские беженцы в повседневной жизни, были многочисленными: от урегулирования правового статуса, обеспечения средств существования, трудоустройства, жилья до лечения и приспособления к жизни в новых условиях. Люди массово стекались в русский храм: гражданские лица, юнкера, солдаты, офицеры, казаки. Здесь они общались, обменивались информацией, давали друг другу советы. Как вспоминал князь А.Л.Ратиев: «В этом импровизированном клубе всегда можно было встретить того, кто тебе нужен». Однако, прежде всего, беженцев привлекала русская церковная служба, возможность исповедаться на родном языке. Русские привыкли намного более открыто выражать свою принадлежность к Церкви, чем это было принято у болгар. Они регулярно посещали церковные службы, их не тяготила длительность богослужения. Болгары легко узнавали русских в храме по тому, как они благоговейно молились, широко и степенно осеняли себя крестным знаменем, совершали многочисленные поясные и земные поклоны, хором пели молитвы.

Владыка Серафим сделал богослужение ежедневным, без дней отдыха, утром и вечером. Глубокий знаток богослужебного чина, он ревностно исполнял свой пастырский долг и, несмотря на прогрессирующий туберкулез, часто служил сам, непременно по воскресеньям и в праздники, а

среди недели неизменно читал акафист Николаю Чудотворцу, храмовому святому.

Владыка очень почитал болгарского святого Иоанна Рильского Чудотворца, называл его «славой и красотой Болгарской Церкви». Поскольку акафиста св. Иоанну Рильскому не существовало, владыка Серафим сам написал его, создав великолепный образец гимнографической литературы, который получил широкое распространение среди верующих. Когда служил владыка Серафим, богомольцы, по словам современников, ощущали присутствие в храме необыкновенной силы Божественной Благодати. Одна из его духовных дочерей вспоминала: «Когда владыка входил в алтарь, то он всех собирал и поднимал к Богу». А одна маленькая девочка однажды во время богослужения воскликнула: «Владыка, Вы пахнете раем!». Владыка Серафим горячо молился за Россию и многострадальный русский народ: «О страждущей стране Российской и о спасении ея от лютых безбожников, ... неверных к правоверию и благочестию обрати, верных же во еже уклониться от зла и творити благое, ... но и отступившим от Тебя и Тебе неищущим явлен буди, да ни единому от них погибнути, но всем им спастися и в разум истины приити...».

В будни в храме служили опытные священнослужители, чьи необыкновенные судьбы могли бы стать предметом отдельного рассказа. Протопресвитер военного и морского духовенства, магистр богословия Георгий Шавельский носил свой наперсный крест на Георгиевской ленте, полученной за военный подвиг во время русско-японской войны. Организаторские способности и проявленная храбрость в годы первой мировой войны были отмечены Георгиевскими медалями трех степеней и орденом св. благоверного князя Александра Невского. Стоял у истоков Русской Зарубежной церкви – был участником Ставропольского церковного собора 1919 года и членом Высшего Церковного Управления на Юге России. После короткого пребывания на греческом острове Лемнос в 1919 году приехал в Болгарию, создал при русском храме братство Святителя Николая, преподавал в русской гимназии, в Софийской духовной семинарии, а позднее и на Богословском факультете Софийского университета, известен как историк, поэт и писатель.

Уже в первые месяцы у отца Георгия возникли трения с владыкой Серафимом и по вопросам политического устройства будущей, освобожденной от большевизма России, и по вопросам богословского и богослужебного характера. В Болгарии отец Георгий Шавельский перешел на позиции экуменизма. Он одобрял совместную молитву и причастие с инославными, высказывался за введение григорианского стиля и пасхалии, принятой католической церковью, считал устаревшим институт монашества и т.п. Владыка Серафим учил, что «Св. Церковь различает самые ереси, требуя бескомпромиссной борьбы с ними от людей, впавших в эти ереси, всегда простирая к ним свои материнские любвеобильные объятия». Именно так поступал он сам в отношении отца Георгия Шавельского, который, однако, не только не пошел за владыкой, а напротив, все более отдалялся от

него. В 1926 году, когда стало известно о приеме отца Георгия в болгарскую масонскую ложу, его делом занялся Архиерейский синод РПЗЦ. Узнав о прещениях, которые готовил ему Карловацкий синод, отец Георгий Шавельский в спешном порядке подал владыке Серафиму прошение об увольнении и перешел под юрисдикцию Болгарской Церкви. Позднее он безуспешно пытался выехать в США, куда его приглашали на богословско-профессорскую кафедру. Умер в Софии в 1951 году.

Помощником владыки Серафима и членом епископского совета был митрофорный протоиерей В.А.Флоровский, бывший ректор Одесской Духовной семинарии, настоятель Преображенского кафедрального собора в Одессе, инспектор Софийской Духовной семинарии (скончался в 1928 году). В работе приходского совета деятельно участвовал и митрофорный протоиерей А.П.Рождественский, доктор богословия, редактор журнала «Церковный вестник», настоятель церкви Мариинского дворца, законоучитель дочерей императора Николая II, член Священного Синода Русской Православной Церкви, член Высшего Церковного Управления на Юге России, преподаватель Софийской Духовной семинарии (в 1924 году переехал в Чехословакию).

Заслуженной любовью прихожан пользовался протоиерей Николай Владимирский, бывший настоятель Ялтинского собора св. благоверного князя Александра Невского, а также протоиерей Георгий Голубцов, бывший настоятель Сухумского кафедрального собора.

Колоритной личностью русского храма был архидиакон Иоанникий, поражавший своей статью и мощным красивым басом. Этот русский богатырь с душой ребенка был любимцем прихожан, о нем непременно вспоминают все авторы мемуаров о жизни русской церковной общины того времени. Ходила легенда, что силой своего голоса он гасил пламя свечей. И по сей день рассказывают анекдот, связанный с отцом Иоанникием. Когда его спросили, почему он вкушает скоромное в постный день, он, не задумываясь, ответил: «В пути сущим разрешается. А я сейчас на пути в Россию!». Весь приход горько оплакивал его безвременную кончину в 1939 году.

Богослужения в русском храме сопровождало прекрасное пение русского церковного хора, которое также привлекало массу народа. Летом 1921 года с Лемноса прибыл в Софию казачий хор С.А.Жарова, который в первое же воскресение пел на службе в русской церкви. В течение года пение ставшего впоследствии всемирно известного коллектива было неотъемлемой частью богослужений в русской церкви. Посольский храм, рассчитанный на небольшой состав молящихся из числа сотрудников российской дипломатической миссии и членов их семей, не мог вместить всех желающих попасть туда. Незабываемым было участие хора Жарова в богослужении в кафедральном храме Александра Невского, собравшем около пяти тысяч молящихся. Голоса тридцати двух русских певчих, которые чудом вырвались с «острова смерти», потеряли родину, своих родных, близких и славили Бога, создавали особое молитвенное настроение. По воспоминаниям

современника, присутствовавшие в храме были потрясены, «было пролито много слез».

С большим успехом хор Жарова выступал с концертами русской духовной музыки перед болгарской публикой. Хористы были вынуждены сами обеспечивать свое существование, так как приход был многочисленным, но бедным. Днем они работали, добывая себе хлеб насущный, а вечерами собирались на спевки, чтобы на воскресной службе исполнить новое произведение из сокровищницы русской духовной музыки. Несмотря на горячую просьбу владыки Серафима не покидать Русский храм, летом 1923 года часть хора вместе с Жаровым уехала во Францию. Но и после их отъезда в Русской церкви работали блестящие профессионалы, опытные регенты. В 1923-1926 годах хором руководил композитор С.Игнатьев, затем другой талантливый композитор Н. Панин, помощником которого был А.Савельев. Он сменил Панина в 1928 году и руководил хором до 1944 года. Его хор, по свидетельству современников, был одним из лучших в Болгарии в то время. В 1931 году грамотой митрополита Антония (Храповицкого) хору Русского храма под управлением А.Савельева было присвоено звание архиерейского хора. Блестящий профессионал, А.Савельев много сделал для популяризации русской духовной музыки. Он ввел в практику отмечать юбилейные даты в жизни прославленных русских композиторов исполнением во время богослужений их композиций, в том числе редко звучавших. Так, 7 ноября 1933 года исполнялось 40 лет со дня кончины П.И.Чайковского и 9 лет со дня кончины А.А.Архангельского, в связи с этим 12 ноября на воскресной службе исполнялись песнопения литургии Чайковского, а запричастным был концерт Архангельского «Блаженны яже избрал...».

Неотъемлемой частью богослужения в Русском храме была проповедь и у всех священников, служивших в нем, она была не формальной, а затрагивала самые насущные проблемы, которые волновали их паству. Проповеди владыки Серафима, преисполненные святоотеческой мудрости, отличались особой глубиной и проникновенностью, были образны и лаконичны. «Не соизволять бесам!»- это было одно из самых частых его наставлений. Он старался пробудить в русских людях понимание страшного греха богоотступничества, который привел Россию к катастрофе. Хорошо чувствуя настроение своей паствы, видя, что многие впадают в печаль и уныние, владыка разъяснял, что не для гибели Господь послал великие скорби, а для искупления грехов и возвращения к Богу. Единственное средство избавиться от скорбей – это вера в Господа, надежда на спасение и любовь. Он призывал своих духовных чад обращать самое пристальное внимание на внутреннюю жизнь, радеть о благодатном обновлении души, о созидании в себе нового во Христе человека. «Люта зима, но сладок рай, - говорил он унывающим, - Мы гости на земле, птицы перелетные».

Владыка Серафим учил смирению, кротости, непрестанной памяти о Боге, искренней любви к ближнему. «В своем брате мы должны видеть Ангела, а на его грех смотреть как на болезнь», - часто повторял он. В самых

сложных ситуациях он учил быть « кротким как голубь и мудрым как змея». Владыка говорил, что недостаточно только чисто исповедовать православную веру, надо жить по этой вере. И в этом прекрасным примером для своей паствы был он сам. С юных лет он нес подвиг строгого поста и непрестанной молитвы. Своей верностью православию, искренним служением пастве, скромностью и добротой владыка снискал глубокую любовь прихожан. Он относился к людям с неизменной лаской, любил повторять слова Амвросия Оптинского: « От ласки – другие глазки», называл своих духовных чад «мои радости, мои сокровища, мои милые и ненаглядные детки». Искреннюю любовь и доброту его сердца особенно чувствовали дети, которые очень любили его, стайкой ходили за ним, а кое-кто, глядя на него, мечтал стать священником или монахом. Владыка Серафим оставлял благодатный след в душах всех, кто приходил к нему за благословением, советом или утешением. Он горячо молился за своих духовных чад, по его молитвам исцелялись больные, благополучно разрешались самые запутанные проблемы. Молился владыка и за своих врагов, покоряя своей любовью недоброжелателей и гонителей. Он поражал современников своей прозорливостью, его духовные чада рассказывали о чудесных случаях проявления его благодатного дара, сам же владыка всегда смиренно говорил о себе: «Я не прозорлив, это случайно». Вместе с тем он не одобрял нездоровых проявлений в духовной жизни, увлечения мистицизмом, псевдодуховными переживаниями.

Владыка окормлял не только свою софийскую паству, он объезжал многочисленные русские приходы в городах и весях, посещал русские учебные заведения, попечителем многих из которых он был. Его приезд всегда был праздником для детей, любивших традиционные духовные беседы с ним. Он был открыт для всех и старался для каждого найти слово утешения.

Среди духовных чад архиепископа Серафима были и болгары, которые также тянулись к Русскому храму – для них это была прекрасная возможность знакомства с русским православием, интеллигенцией и культурой. Его архипастырская забота, любовь и отзывчивость особенно привлекали к нему болгарских монахов. Они видели в нем ревностного подвижника православия, чистота и целомудрие которого позволяли ему усматривать малейшие отклонения от православной истины. Владыка Серафим оставил после себя многочисленных учеников, которые стали его последователями в борьбе за чистоту православия.

С течением времени состав приходского совета менялся. Как настоятель храма владыка Серафим сам назначал священников и своих помощников. Так, в 1925 году его помощником стал принявший сан по обету светлейший князь Андрей Ливен, по признанию современников, самая видная личность российского дворянства в Болгарии.

В 30-е годы помощником владыки был иеромонах Пантелеимон (Михаил Николаевич Старицкий), в прошлом участник первой мировой войны, капитан лейб-гвардии 2-й артиллеристской бригады, а затем келейник

владыки Серафима. В 1936 году членом епископского совета стал протоиерей Николай Павлович Ухтомский. Он происходил из знатного княжеского рода, был офицером генерального штаба 7-й армии, участвовал в первой мировой войне. После рукоположения владыкой Серафимом в сан священника назначен настоятелем русского храма-памятника на Шипке.

К началу 30-х годов сложилась выборная система управления храмом: каждые четыре года проводились выборы членов приходского совета, церковного старосты и ревизионной комиссии из мирян. В течение многих лет бескорыстно и самоотверженно помогали владыке в его многотрудной деятельности церковный староста Г.Д.Горбатов, члены приходского совета врач В.И.Степаньковский (председатель Союза русских врачей в Болгарии), Н.В.Ставровский, М.И.Невейнов, А.Р.Савельев, Ф.В.Заприев, В.С.Павленко, С.М.Жуков и многие другие. В качестве председателя ревизионной комиссии неоднократно переизбирался опытный финансист А.П.Берков. Члены приходского совета регулярно отчитывались о своей деятельности, а это делало работу прихода более плодотворной.

Владыка Серафим возглавлял и направлял широкую благотворительную деятельность своих прихожан. При храме активно работало братство, которое занималось оказанием помощи одиноким, нетрудоспособным и малоимущим, попавшим в беду. Между ними распределялись денежные средства, которые поступали в виде дарений и пожертвований. Изыскивалась возможность для выплаты одноразовых и регулярных пособий. В помощь нуждающимся собирали одежду, обувь, белье. Больных определяли на бесплатное лечение в русскую больницу РОКК Р.Ю. Берзина, поликлинику доктора С.К.Жукова или в дома инвалидов и приюты. Безработным помогали в трудоустройстве, а этот вопрос стоял чрезвычайно остро. Подавляющее большинство русской эмиграции составляли люди прекрасно образованные, профессионально подготовленные. На рынке труда в Болгарии преобладала физическая работа, причем рабочих мест было очень мало и высока безработица среди самих болгар.

По инициативе владыки Серафима при храме был создан комитет по сбору пожертвований в пользу голодающих русских иноков на Святой горе Афон. Революция в России прервала постоянный поток русских паломников на Афон, лишила их материальной поддержки. Монахи бедствовали, умирали от голода. В своих проповедях владыка призывал прихожан поддержать своих православных братьев, не дать погибнуть афонской святыне. Он лично предлагал состоятельным людям покупать иконы, написанные афонскими монахами, чтобы материально поддержать их. Большую часть этих икон благотворители дарили затем болгарским храмам и монастырям. Известно также, что архиепископ Серафим организовывал сбор пожертвований на строительство новых храмов, как в Болгарии, так и за рубежом. Так, лично из своих средств он внес 1360 левов на строительство храма-памятника в Брюсселе «Во имя Святого и праведного Иова

Многострадального, в память царя-мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных».

Сам владыка проявлял истинно христианскую заботу о неимущих и больных людях, хотя жил более чем скромно и имел на руках больного брата. Он всегда подавал милостыню беспризорному мальчонке у ворот русской церкви, кого-то подкармливал у себя, кому-то отдавал свои дрова в зимнюю стужу, писал множество прошений в различные ведомства, сам обивал их пороги, ходатайствуя о помощи нуждавшимся. Неслучайно Союз русских инвалидов сделал его почетным членом своей организации.

В 1929 году владыка Серафим снял с себя должность настоятеля русского храма, всецело сосредоточившись на пастырско-богословской деятельности. Его рабочий день начинался с рассветом: продолжительное молитвенное правило, указания секретарю приходского совета относительно текущих церковных дел, просмотр корреспонденции, большая часть которой – просьбы совета или молитвенной помощи; затем молебны о больных и страждующих; прием посетителей. Над своими богословскими трудами он работал главным образом по ночам. В летнее время владыка уезжал на один-два месяца в мужской монастырь в Ямбол, где мог посвящать своим сочинениям больше времени.

Настоятелем русского храма стал известный прихожанам протоиерей Николай Владимировский. Он происходил из семьи духовенства. Окончил Симферопольскую духовную семинарию, как священник служил на приходах Таврической епархии, был настоятелем соборов в Феодосии, Ялте, в том числе придворной церкви в императорском Ливадийском дворце. После эмиграции в Константинополь был священником при посольской церкви в Буюк-Бере. С 1920 г. он в Болгарии, сначала в г. Видин, а затем в Софии как помощник владыки Серафима. В его бытность при храме активную работу вело братство, были созданы молодежные и детские группы, прихожане занимались религиозно-просветительской, культурной и благотворительной деятельностью. По признанию современников, под духовным руководством владыки Серафима Русский храм был образцом благочестия и богослужебной практики, его массово посещали и русские, и болгары.

Высоко оценивая епископское служение владыки Серафима, в конце августа 1934 года решением архиерейского Собора Русской Православной Зарубежной церкви епископ Серафим был возведен в сан архиепископа. В своем слове к собравшимся первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний сказал: «Преосвященного Серафима нельзя поставить рядом с другими архиереями. Он трудится больше всех нас. Он истинно православный архиерей, который ставит Священное Писание выше своей карьеры».

2. Русский храм без русских.

1934 год открыл новую страницу в истории Свято-Николаевского храма. 23 июля 1934 года Болгария установила дипломатические отношения с СССР, и над зданием бывшей российской дипмиссии заалел красный флаг. Однако советскому посольству посольская церковь была не нужна!

Вопрос о статусе Русского храма и церковном имуществе русских православных общин был предметом долгих и непростых переговоров между Москвой и Софией. Охваченные тревогой русские эмигранты пытались повлиять на решение проблемы, их пугал прецедент с судьбой русской церкви в Вене, превращенной в музей атеизма по настоянию советской стороны сразу же после установления дипломатических отношений между СССР и Австрией.

Управляющий совет союза русских ветеранов освободительной войны 1877-1878 годов в Болгарии, одной из самых авторитетных организаций русских эмигрантов, обратился к министру обороны, а затем и к министру внутренних дел и вероисповедания с прошением оставить Русский храм в Софии в распоряжении русской церковной общины. «С 1919 года и по сей день этот храм – место, которое нас объединяет, утешает и духовно облегчает нашу тяжелую участь беженцев», - подчеркивалось в петиции ветеранов. Владыка Серафим, митрополит Антоний и Архиерейский Синод Русской Православной Зарубежной Церкви неоднократно обращались к болгарским церковным и гражданским властям с просьбой не передавать Русскую церковь советскому посольству, подчеркивая, что речь идет о церковной, а не государственной собственности.

Болгарские власти попытались учесть пожелания русской церковной общины в первоначальном проекте протокола, предложенном советской стороне в качестве основы для переговоров об установлении дипломатических отношений. В Москве такая увязка вызвала большое удивление, так как подобных прецедентов не было. Категорически отвергая болгарский проект под предлогом, что такое решение может быть истолковано как успех русских эмигрантов, советские дипломаты заявили, что церковь им вообще не нужна и сначала высказали идею либо закрыть ее, либо превратить в большевистский музей. В этой ситуации болгарская сторона предложила передать Русскую церковь болгарским церковным властям под гарантии правительства Болгарии обеспечить безопасность советского посольства.

Видя настойчивые претензии болгар на Русский храм, советские дипломаты попытались сделать ее предметом торга, предложив двухэтапное решение вопроса. Русская церковь остается в распоряжении дипмиссии СССР до тех пор, пока советский посол не решит вопрос об отделении ее от здания посольства с целью обеспечения надлежащей безопасности. Затем храм временно переходит под управление Болгарской Церкви с условием выдворения оттуда русской православной общины и недопущения ее туда впредь. Эта договоренность была зафиксирована в специальном протоколе, подписанном 23 июля 1934 года, который, по просьбе советской стороны, был засекречен, чтобы не создавать прецедента в предстоящих

дипломатических переговорах с Югославией. Согласно этому документу, болгарскому Синоду передавались храм-памятник на Шипке и монастырь в Ямболе опять же при обязательном условии, что к их управлению не будут допускаться лица и организации, принадлежащие русской эмиграции. Болгарские дипломаты при каждом удобном случае напоминали о договоренности по Русской церкви, а советские официальные лица уверяли, что передача Русского храма Болгарии - это лишь вопрос времени. В какой-то степени ожидание этого жеста сделало Софию более стоворчивой по вопросу о поддержке СССР при приеме в Лигу наций – Болгария голосовала в пользу Советского Союза одной из первых.

15 сентября 1934 года советский посол Ф.Ф.Раскольников закрыл посольский храм, а уже 23 ноября передал его во временное пользование болгарскому государству в лице министерства внутренних дел и вероисповедания, которое 18 декабря предоставило его софийской митрополии. Русская посольская церковь перестала быть посольской и русской! Так Русский храм стал обычным болгарским приходским храмом. Интересно, что сам Раскольников тайно посещал болгарские монастыри и храмы. В монастырской книге Люлинского монастыря «Св. Крал» он оставил такую запись: «Приехал из России, где уничтожены давно все монастыри и церкви. С особенной радостью посетил и посещаю святые обители, где, как когда-то на моей Родине, теплится истинная христианская вера на радость и утешение народу. Молю Бога о вечном существовании Вашей обители». Игумен монастыря, предоставивший Дирекции болгарской полиции монастырскую книгу, сообщил, что Раскольников неоднократно бывал в этом монастыре и каждый раз, входя в церковь, зажигал свечи и крестился. Видимо, ростки православной веры, заложенные в семье отцом протодиаконом, неожиданным образом проявились у Раскольникова в Болгарии, однако классовая ненависть к белоэмигрантам возобладала над христианским милосердием к братьям по вере и по крови.

Болгарская Церковь не оставила русских без храма. Софийский митрополит Стефан предоставил русской православной общине храм Святителя Николая на улице Царя Калояна, приход которого перешел в Свято-Николаевский храм на бульваре Царя-освободителя. Отцу Николаю Владимирскому было передано имущество Русской церкви. Русские монахи из монастырей Шипки и Ямбола были размещены в монастыре св. архангела Михаила у села Кокаляне близ Софии, где любил бывать владыка Серафим. И сегодня можно видеть камень, на котором, стоя на коленях, он горячо молился. Здесь он уединялся для написания своих богословских трудов, которым придавал большое значение: «Мои книги – моя кровь», - говорил он. Владыка Серафим последовательно отстаивал чистоту православия, разоблачал еретические и модернистские взгляды и учения, искажающие православную истину, боролся против экуменизма.

Одним из важнейших богословских сочинений владыки Серафима стал его труд «Новое учение о Софии, Премудрости Божией», опубликованный в Софии в 1935 году, за который Архиерейским Синодом

Заграничной Церкви он был удостоен научной степени магистра богословия. Владыка Серафим подробно анализирует и опровергает «софианство» протоиерея о. Сергия Булгакова. В теории профессора Парижского Богословского Института отца Сергия Булгакова он усматривал органическую связь с гностицизмом раннего христианства, философией Платона и кабалистической мистикой. Познакомившись с трудом владыки Серафима, известный русский профессор богословия Н.Н.Глубоковский сказал своим студентам: «Протоиерей Булгаков должен по крайней мере двадцать лет изучать святых отцов, чтобы иметь возможность ответить архиепископу Серафиму». Тем не менее, С.Булгаков попытался оспорить основные положения труда владыки. Ответом ему стала новая работа архиепископа Серафима «Защита софианской ереси протоиереем С.Булгаковым пред лицом Архиерейского собора Русской зарубежной Церкви», написанная в 1936 году. В своем труде «Искажение православной истины в русской богословской мысли» владыка Серафим полемизировал с митрополитом Антонием по проблеме догмата искупления. Архиепископ Серафим последовательно выступал против модернизма в православии, католического и протестантского влияния, вскрывал опасность экуменического движения, разоблачая его зависимость от масонства и других враждебных Церкви Христовой организаций.

По поручению Собора Архиереев Русской Зарубежной Церкви владыка Серафим приступил к работе над проблемой русской идеологии. Эта тема ощущалась как самая злободневная всеми идейными направлениями русской эмиграции. С наибольшей полнотой мировоззрение владыки раскрылось в его книге «Русская идеология», изданной в 1934 году, и в более поздней «Об истинном монархическом мирозерцании» (София, 1941г.). Спасительный путь для России владыка Серафим видел в торжестве русской идеологии, которая «...есть ничто иное, как православная вера и основанная на ней русская жизнь во всех ее областях, начиная с личной и кончая государственной... Для православного сознания русского человека является неоспоримой истина, что вера православная была основой не только личной духовной жизни, но и была в основе могущества и славы нашей родины, отступление же от веры было причиной как нравственного падения русского народа, так и гибели внешней мощи России». Труды владыки Серафима, раскрывающие несостоятельность наиболее распространенных среди русской интеллигенции рационалистических и либеральных взглядов, не утратили своей актуальности и в наши дни.

Установление дипломатических отношений между Болгарией и СССР вызвало стагнацию в деятельности всех русских эмигрантских организаций, так как над ними усилился контроль со стороны болгарского правительства, взявшего обязательства не допускать антисоветских проявлений. Жизнь русского прихода, изгнанного из родного храма, однако не стихала. Ярким событием в жизни верующих была встреча великой русской святыни – чудотворной иконы Божией Матери Курско-Коренной «Знамение», привезенной из Югославии летом 1935 года. Ее торжественно встречали

представители русского и болгарского духовенства во главе с архиепископом Серафимом при огромном стечении народа, русских и болгар. Массовым было участие в торжественном архиерейском богослужении в честь 950-летия крещения Руси.

Храм русской общины по-прежнему был образцом богослужебной практики. По договоренности с владыкой Серафимом Болгарский Синод стал направлять туда молодых диаконов для получения необходимых навыков, после чего их рукополагали в священники и назначали на приходы в болгарские храмы.

3. Возвращение русской общины в Русский храм.

Вступление Болгарии во вторую мировую войну на стороне гитлеровской Германии серьезно осложнило положение русских эмигрантов. Они стали объектом усиленного полицейского надзора, который фактически парализовал деятельность большинства эмигрантских организаций, многие из которых были запрещены или самораспустились – к сентябрю 1944 года их осталось только 26, а было более 100. Болгарские власти требовали от русских эмигрантов лояльности к внешнеполитическому выбору Болгарии. После 22 июня 1941 года многие русские были интернированы, все обладатели нансеновских паспортов ограничены в свободе передвижения и испытывали сложности с трудоустройством.

Гитлеровская агрессия против СССР внесла смятение в настроения русских эмигрантов. Здесь было все: и горе, и ликование, и сомнения. Подавляющее большинство верующих не могли смириться с уничтожением русского народа фашистскими полчищами. Несмотря на свой страх перед большевизмом, они радовались успехам Советской Армии и молились за ее победу. Молился за спасение России и русского народа и владыка Серафим. Как вспоминали его ученики, главным содержанием его молитвы было: «Господи, спаси Россию, спаси русский народ!» Архиепископ Серафим не проявлял расположения к гитлеровцам, о чем красноречиво говорит, например, запись в его дневнике от 9 ноября 1941г.: «Ах, Царице Небесная, как скорбит моя душа, скорбит смертельно: раньше надеялся, что отстрадается Россия и увидит спасение и возрождение. Ныне новому рабству подпадает – немецкому». Владыка Серафим не давал своего благословения русским эмигрантам поступать в Русский корпус, добровольческие части которого входили в состав германских подразделений в Югославии.

В результате бомбардировок Софии англо-американской авиацией весной 1944 года храм русской общины на улице Калояна тяжело пострадал, однако и в полуразрушенной церкви ежедневно утром и вечером при свете свечей и лампад богослужения продолжались. 30 марта 1944 года во время налета храм был полностью разрушен, трагически погиб настоятель протоиерей Николай Владимирский. Его заочное отпевание совершил архиепископ Серафим с братией Кокалянского монастыря. Только в сентябре

1944 года под развалинами нашли останки погибшего настоятеля и предали их земле на русском участке Софийского кладбища. Архив приходского совета полностью сгорел, чудом уцелел надвратный образ Святителя Николая, медное чеканное блюдо с изображением Николая Чудотворца и дарственной надписью «Епископу Лубенскому Серафиму», серебряное кадило и оклады сгоревших на престольных Евангелий.

В мае 1944 года Болгарский Синод предоставил русской общине сначала церковь великомученицы Екатерины при кладбище в с.Княжево, а спустя два месяца храм преподобномученицы Параскевы «Самарджийской» на бульваре Марии - Луизы в центре Софии. Погибшего настоятеля сменил хорошо известный прихожанам протоиерей Георгий Голубцов.

Он происходил из крестьянской семьи, учился в Московской Духовной семинарии, но не закончил ее. В качестве священника служил на приходах Подмосквья, в 1885г. переведен в Грузию на должность священника Сухумского кафедрального собора. До 1917г. был преподавателем и воспитателем в Тифлисской Духовной семинарии. Одним из его учеников был Иосиф Джугашвили, который учился в семинарии со 2 сентября 1894г. до своего исключения оттуда 29 мая 1899г. Близким людям отец Георгий говорил о нем: «Мятежная душа, абсолютный анархист».

Отец Георгий участвовал во Всероссийском Московском церковном соборе 1917-1918гг., о чем оставил дневниковые записи. В марте 1920г. из Новороссийска эмигрировал с Добровольческой армией на греческий остров Лемнос. Он был одним из тех полковых батюшек, которым пришлось проводить богослужения на палубах и в трюмах судов, под открытым небом на берегу моря. Графиня М.А.Граббе (урожденная Голенищева-Кутузова) вспоминает, как отец Георгий провел в трюме корабля общую исповедь и завершил ее словами: « ... пора опомниться, образумиться, обратиться к Богу, к Церкви, каяться, и тогда Господь спасет Россию, только тогда, когда все покаются и соединятся в общей настойчивой, неутомимой молитве. На колени, повторяйте за мной: каюсь, каюсь, каюсь». В огромном четырехтысячном палаточном лагере беженцев он создавал церкви – в палатках, сараях, сооружая иконостасы из подручных средств. В тяжелых походных условиях он окормлял обездоленных русских людей, лишившихся Родины, семьи, положения, достатка, и чуть ли не каждый день отпевал умерших из-за голода, холода и болезней.

После короткого пребывания в Константинополе отец Георгий переселился в Болгарию, где сначала был священником Николаевско-Алексеевского инженерного училища в с.Княжево, затем клириком в храме Св.Николая Софийского, а с 1934г. в Русском храме, настоятелем храма св. великомученицы Екатерины в Княжево и в храме преподобномученицы Параскевы. Служил священником и преподавателем Закона Божиего в Русском лицее В.П.Кузьминой. Отец Георгий был членом правления церковно-православного братства «Св. Николай», основателем и членом правления «Общества почитателей памяти императора Николая II и его семьи»(1928г.).

Первоочередной задачей отца Георгия в качестве настоятеля Русского храма стало приобретение необходимой церковной утвари и богослужебных книг, взамен утраченных во время бомбардировки. Русский приход получил бесценный дар от своих афонских братьев – большое напрестольное Евангелие и комплект серебряных Евхаристических сосудов. В крохотной церкви на улице Марии - Луизы продолжались ежедневные богослужения и регулярные праздничные и торжественные архиерейские службы.

Во время бомбардировок весной 1944 года очень серьезно пострадал и любимый всеми русскими посольский Свято-Николаевский храм – рухнула кровля, было полностью уничтожено южное крыло, утрачена роспись. Поскольку согласно советско-болгарскому протоколу от 6 июля 1940 года советская сторона передала храм в безвозмездное пользование сроком на 15 лет Болгарии, расходы на восстановление церкви взяло на себя болгарское правительство. Было выделено 8 миллионов левов, затем сумма возросла до 12 миллионов. Ремонтные работы начались уже в 1944 году. Поврежденная живопись южного нефа была восстановлена русским художником эмигрантом М.М.Малецким, который впервые также почистил и укрепил стенописи. В реставрации принимал участие и болгарский художник Н.Костов, который 30 лет назад, будучи студентом, расписывал храм под руководством профессора М.Т.Перминова.

Изменение политики в отношении церкви в СССР в годы войны вызывали у русского духовенства за границей желание воссоединиться с Матерью Церковью и послужить ей своим опытом и знаниями. В апреле 1945 года архиепископ Серафим обратился к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию с заявлением о готовности принять юрисдикцию Московской Патриархии. Он отметил, что будет лоялен к советской власти и попросил оставить его патриаршим представителем в Болгарии, так как «сроднился со своею паствою, со своими духовными детьми, не только русскими, но и болгарам». Владыка Серафим просил также принять под юрисдикцию Московской Патриархии все русское духовенство в Болгарии, которое находилось в его ведении. Положительному решению вопросам способствовало мнение архиепископа Псковского и Порховского (впоследствии митрополита Ленинградского) Григория (Чукова), который в апреле 1945 года прибыл в Софию в ознаменование восстановления полноты общения с Болгарской Православной Церковью после снятия схизмы. В своих выводах, представленных Патриарху, он охарактеризовал владыку Серафима как человека, безусловно, духовного, пользующегося большим уважением прихода. Советское посольство также отмечало, что архиепископ Серафим не скомпрометирован своей прошлой и настоящей деятельностью и имеет авторитет среди болгарского духовенства.

30 октября 1945 года последовал соответствующий указ Патриарха, подтвердивший полномочия владыки Серафима по управлению семью приходами в Болгарии как представителя Московской Патриархии. Весной 1946 года советское правительство остановило действие протокола о

временном пользовании Русской посольской церковью со стороны Болгарии и передало храм архиепископу Серафиму.

После окончания ремонтно-восстановительных работ церковь была освящена, и на Вербное воскресенье 1946 года владыка Серафим отслужил праздничную службу – после долгого перерыва русская община вернулась в свой родной храм, и там опять возносилась молитва: «О богохранимой стране Российстей...». По воспоминаниям современников, незабываемым было и празднование Пасхи в 1946 году. Храм был еще в лесах. Собралось множество народа. Вместе с церковным хором Н.И.Капустина пел хор верующих военнослужащих Советской Армии, находившихся в тот период в составе советских войск в Болгарии. «Пела и славила Воскресшего Христа вся Святая Русь – русское зарубежье с Русью воинской славы», - вспоминал участник празднования.

Волнующим и радостным событием в жизни русского прихода стал первый приезд в Софию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия в связи с чествованием 1000-летия кончины преподобного Иоанна Рильского. Он посетил Русский храм 22 мая 1946 года в день его престольного праздника, когда отмечается перенесение мощей Святителя Николая Чудотворца. Впервые в истории Болгарии божественную литургию совершал первоиерарх Русской Церкви русским патриаршим чином. Ему сослужили митрополит Ленинградский Григорий и архиепископ Серафим. На литургии присутствовали многие болгарские синодальные архиереи, регент Царства Болгарии профессор Венелин Ганев. Патриарха с хлебом и солью встречали члены церковного совета и руководство сестричества, многочисленные прихожане.

В приветственном слове архиепископ Серафим выразил радость русских верующих в связи с тем, что они снова находятся в общении с Матерью-Церковью: «Двадцать пять лет мы были разобщены с Матерью нашей – Церковью Российской. Но это разобщение было чисто внешним явлением, ибо в сердцах наших было полное единение с вами, со всеми братьями нашей Родины. С нами было то, что наблюдается на поверхности и в глубине океана. На поверхности его от внешних и случайных причин бывают различные течения, а в глубине океана идет всегда и неизменно одно течение. Так и в глубине нашего существа, в глубине наших сердец было и есть одно неизменное стремление к Матери нашей Церкви».

Святейший Патриарх в ответном слове поблагодарил за приветствие и подарил храму старинную икону Святителя Николая (она была украдена из храма весной 1991 года – невосполнимая утрата!). Впоследствии Святейший еще трижды посещал посольскую церковь: в 1951, 1957 и 1962 годах.

14 июня 1946 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ о предоставлении советского гражданства подданным бывшей Российской империи, проживающим на территории Болгарии. Владыка Серафим принимает советское гражданство, ему был выдан советский вид на жительство №1 в Болгарии. Кое-кто из непримиримых противников советской власти с осуждением отнесся к его решению. Однако как

истинный пастырь владыка Серафим руководствовался прежде всего заботой о судьбе своей паствы, ее физическом выживании и спасении от репрессий и поистине проявил «кротость голубя и мудрость змеи». Дело в том, что все вопросы, связанные с судьбой русской эмиграции, из ведения болгарского правительства перешли под контроль советских представителей Союзной контрольной комиссии, которые решали их в соответствии с классовыми принципами и объявили всех эмигрантов и невозвращенцев «врагами народа». Принявшие советское гражданство приобретали новый статус, превращаясь из «белогвардейцев» в советских граждан, которые уравнивались в правах с болгарскими гражданами. То есть с них не только снимались многие ограничения, связанные с клеймом реакционеров, они имели преимущества при трудоустройстве, получении жилья, могли рассчитывать на социальное обеспечение.

После того, как указом от 17 ноября 1944 года ликвидировались все организации русских эмигрантов и запрещалась любая их публичная деятельность, Русский храм остался единственным местом, где они могли свободно исповедовать свою веру, общаться и помогать друг другу. Большая заслуга в сплочении прихожан принадлежала протоиерею Андрею Ливену, который после кончины протоиерея Георгия Голубцова в декабре 1947г. стал настоятелем храма.

Он принадлежал к роду светлейших князей фон Ливен, корни которого уходят вглубь российской истории – эта фамилия известна с XII века. Его отец был предводителем дворянства Бронницкого уезда, соратником П.А.Столыпина и управлял Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками. Мать – А.П.Васильчикова, прекрасно образованная, общалась с Л.Н.Толстым, С.В.Рахманиновым. Андрей Александрович воспитывался в духе патриархальной православной семьи. У него рано проявились творческие способности, мальчиком принимал участие в изготовлении резного деревянного иконостаса для строившегося монастыря. Отец скончался, когда Андрею Александровичу было шестнадцать лет. Будучи студентом, хорошо материально обеспеченный юноша пополнил ряды «золотой молодежи». Двухметрового роста, приятной наружности, он писал стихи в духе Майкова и Фета, играл на скрипке и гитаре, хорошо пел, рисовал, любил театр. Не избежал юноша и духовных искушений: он увлекся оккультизмом и спиритизмом и даже вошел в кружок, занимавшийся этим богопротивным учением. Узнав об этом, его двоюродная бабушка, игуменья Магдалина, (в миру графиня М.В. Орлова-Давыдова), основательница монашеской общины в своем родовом имении «Отрадное», очень обеспокоилась и написала письмо своему внучатому племяннику с горячей просьбой покинуть этот кружок. Молодой человек ответил ей искренно, что ищет истину и, если не найдет ее там, то сразу откажется от оккультизма. По молитвам игуменьи Магдалины совершилось чудо – в руки руководительницы кружка попала книга «Добротолюбие», и, прочитав ее, она не только поняла, что занимается богопротивным делом, но и поделилась своими сомнениями с членами кружка – у всех произошел духовный

перелом. Сама руководительница сразу же поступила в Шамординский монастырь, где приняла монашество. Андрей Александрович раскаялся, обратился к Православной Церкви и даже высказывал намерение в будущем стать священником, чем очень утешил игуменью Магдалину.

Андрей Александрович окончил Демидовский лицей со званием кандидата юридических наук, стал предводителем дворянства Коломенского уезда Московской губернии. Страдая болезнью легких, в середине 1917г. поехал с семьей на лечение в Сочи, в имение своей жены Софии Александровны, урожденной Стахович (эта семья была близка к Л.Н.Толстому). Там его застала революция. В Сочи Андрей Александрович, уже духовно настроенный, имел счастье встретиться с благочестивым священником о. Сергием, который давал ему душеполезные книги, учил молитве.

Три года Андрей Александрович с семьей провел в Сочи. Когда началась всеобщая эвакуация, он успел отправить семью в Новороссийск, откуда его супруга с тремя детьми и родными уехала в Константинополь, а сам поехал в Крым, в Белую армию. Из России ему удалось выехать позднее. Он долго и безуспешно пытался разыскать свою семью и тогда дал обет посвятить свою жизнь служению Богу, если семья отыщется. Вскоре он чудесным образом нашел свою жену и детей на острове Антигона близ Константинополя.

На семейном совете решили ехать в Болгарию – знакомый предложил Андрею Александровичу открыть в Софии магазин русских книг. По приезду в Болгарию в 1921г. князь Ливен стал одним из зачинателей евразийского движения, инициатором первого евразийского сборника «Исход к Востоку». Однако вскоре он познакомился с владыкой Серафимом, оценил его духовные дарования, привязался к нему всем сердцем и стал верным и преданным духовным сыном. Он сразу же отошел от евразийцев, которые не скрывали своего разочарования, лишившись столь значительной и влиятельной фигуры в своих рядах. Князь Ливен вручил духовному руководству владыки Серафима и всю свою семью – супругу и шестерых детей. Две дочери Андрея Александровича, Ольга и Дарья, под влиянием владыки Серафима впоследствии приняли постриг (одна вела монашескую жизнь в Болгарии, другая – в Америке).

Князь Ливен поделился с владыкой своим давнишним желанием послужить Богу в сане священника и 22 февраля 1924г. он был им рукоположен. С 1926г. он был секретарем Епархиального совета при Управлении русскими православными общинами в Болгарии, личным секретарем архиепископа Серафима. По поручению владыки он обходил разные учреждения, хлопотал о нуждах соотечественников. Под благодатным влиянием владыки Серафима природные качества отца Андрея развивались в прекрасные христианские добродетели.

По воспоминаниям современников, он обладал мудростью и даром касаться самых глубоких струн человеческой души. Случалось, придет к нему посетитель неверующий. Батюшка начинал вести с ним светский

разговор и постепенно переходил к духовным темам. Разговор заканчивался исповедью и началом новой христианской жизни. Был случай, когда только за одну неделю русский католик и русский протестант после тактичной и мудрой беседы возвратились в лоно Православной Церкви.

Современники вспоминают об отце Андрее как о человеке разных и ярких дарований. «Талантливейший поэт, превосходный музыкант, замечательный рисовальщик и карикатурист, невероятно остроумный, огромного обаяния человек и замечательный священник», - так отзывается о нем И.В.Шпиллер.

По воспоминаниям его дочери Елены Андреевны, отец Андрей еще в молодости начал писать стихи и признавался, что не может не писать. Архиепископ Серафим благословил его перелагать стихами «Четы-Минеи» св. Димитрия Ростовского. Основная часть этой работы была сделана в 1945-1946гг. Отец Андрей писал и духовные стихи, а за год до кончины написал поэму «Три шага» о тех предтечах антихриста, которыми, по его мнению, были римский император Юлиан, немецкий реформатор Лютер и Ленин.

Отца Андрея отличало истинно русское гостеприимство, доброта. Он многое сделал для привлечения к церкви молодежи, организуя беседы на духовные темы, поэтические вечера, на которых он нередко читал свои духовные стихи и великолепные переводы Хайяма, Хафиза, Фицджеральда и других поэтов. Об этом, в частности, вспоминает военный Советской Армии Ю.Белый, часть которого дислоцировалась в Софии. Образованный, остроумный, с изысканными манерами, доброжелательный священник русской церкви никак не вписывался в образ попа-реакционера, ограниченного и невежественного, который ожидал увидеть советский солдат под влиянием советской пропаганды.

Свое последнее стихотворение отец Андрей написал 2 марта 1949г., за три месяца до смерти:

Уходят дни. Мне шестьдесят четыре года,
А жажда жизни так безмерно велика...
Все кажется, что обновленная природа,
Смеясь, омолодила сердце старика.
Я знаю, день придет: и сразу рухнет счастье,
И я тогда скажу, покорный высшей власти:
«Прими под Свой покров мой старый, детский дух».

Кончина протоиерея Андрея Ливена в 1949 году была тяжелой утратой для прихода – храм лишился одного из последних опытных пастырей.

Поскольку запрет властей коснулся и благотворительной деятельности, прекратило существование братство при храме, однако никаким указом нельзя было запретить христианское милосердие, сострадание, желание помочь нуждающимся. По благословению владыки Серафима было создано сестричество, которое возглавила дочь протоиерея Андрея Ливена Ольга Андреевна Ливен (впоследствии игуменья Серафима) и ее духовная подруга Надежда Ивановна Ястребова (впоследствии монахиня

Серафима). Они обе были духовными чадами владыки, закончили богословский факультет Софийского университета и готовились к монашеской жизни. Благодаря деятельности сестричества в храме поддерживалась чистота и порядок, организовывались бригады по уборке кладбища, паломнические поездки, проводились беседы на духовные темы. Незабываемым было массовое паломничество русских богомольцев в Рильский монастырь в дни чествования 1000-летия кончины преподобного Иоанна Рильского в 1946 году.

Жизнь русского прихода протекала под неусыпным контролем советского посольства, что не было секретом для владыки Серафима, он учитывал это, а потому претензий к нему не было. В Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР из Софии поступала информация, что среди служителей Русской Православной Церкви находятся в основном советские граждане, архиепископ Серафим старается «не допускать в число церковных служителей политически скомпрометированных лиц», «руководствуется в своей деятельности указаниями Московского Патриархата» и проводит курс на сближение с Болгарской Православной Церковью. Отмечалось, что владыка Серафим имеет нормальные отношения с Комитетом советских граждан в Болгарии и поддерживает его начинания в области культурно-просветительной работы среди новых советских граждан. В Москве хорошо знали, что архиепископ Серафим продолжает оставаться активным борцом с экуменизмом, который в этот период рассматривался советским руководством как опасное идеологическое течение, используемое Западом для борьбы с СССР.

В июле 1948 года владыка Серафим участвует в работе Московского совещания глав и представителей Поместных Православных церквей, посвященного 500-летию автокефалии Русской Церкви. Он выступает с двумя докладами: «Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении?» и «О старом и новом стиле». Выступление владыки было одним из самых обстоятельных и аргументированных. Проанализировав протестантскую сущность экуменизма, он доказывал его опасность, называл изменой православию, критиковал введение произвольных новшеств в православной церкви, цель которых разрушение церкви изнутри. Владыка Серафим говорил о недопустимости отступления от догматов и канонических правил, подчеркивал, что принятие нового стиля приведет к возникновению в церковной жизни смут и нестроений, призывал строго, без всякого компромисса, держаться старого стиля вследствие канонических установлений, которые являются одной из основ бытия православной церкви.

После блестящего выступления владыки на Московском совещании осенью 1948 года в Москве возникла идея направить его в «цитадель экуменизма» - в Париж, назначив экзархом по Западной Европе вместо архиепископа Серафима (Лукиянова). На место владыки Серафима в Болгарии предполагалось поставить протоиерея В.Шпиллера, который был близок к владыке, служил на приходах Болгарской Православной Церкви и

состоял негласным советником у министра иностранных дел по церковным вопросам. Назначения эти так и не состоялись. Не последнюю роль в этом сыграло опасение возможных контактов владыки с монархическими кругами в Париже. Просьба владыки Серафима направить с ним во Францию священнослужителей протоиерея Ливена, протоиерея Ухтомского, архимандрита Пантелеимона (Старицкого) и иеромонаха Николая (Шелехова) была истолкована как «явное стремление перебраться из страны народной демократии в более безопасное место».

Владыка продолжал свою пастырско-богословскую деятельность в Болгарии. Его беспокоило положение, складывающееся в Болгарской Церкви. 26 апреля 1949 года он писал Патриарху Алексию I: «Все митрополиты являются решительными последователями экуменизма, как до Московского совещания, так и после него... если экуменическое разложение будет идти и впредь такими же шагами, то недалек тот день, когда вожди Болгарской Церкви приведут ее на радость врагов православия к полному духовному единению с создавшимся на Западе религиозным единством, которое в лице экуменизма ставит своей задачей поглощение всех поместных церквей и образование единой вселенской только не православной, а экуменической и масонской церкви, в чем и состоит сущность экуменизма».

Архиепископ Серафим резко критиковал деятельность богословского факультета Софийского университета: «В экуменическом направлении болгарских иерархов, в их явном попустительстве экуменической деятельности профессоров богословского факультета и в его отрицательном отношении к православию надо искать одну из главных причин возникновению здесь великого зла – священнического союза. Последний стремится уничтожить власть епископата в лице Синода, быть главным распорядителем всего церковного имущества, допустить женатый епископат и двубрачие духовенства, а в конце концов – образовать в Болгарии живую или обновленческую церковь, как это было в России, в целях уничтожения канонов и догматов и всей Православной Церкви».

Тревожила владыку Серафима и судьба монашества. Он с горечью отмечал, что Рильский монастырь превращается в место отдыха туристов. Там отменили ночные и ранние богослужения, болгарские церковные власти отказывались принимать русских монахов, поскольку пытались создать новый тип ученого монашества, но не по русскому образцу, а по образцу «просвещенного неженатого пастората» протестантской Германии. В условиях, когда монашество повсеместно планомерно и систематически сокращалось, владыка Серафим осуществляет свою давнюю мечту создать еще один русский по духу монастырь.

Теплые отношения с Патриархом Алексием помогли архиепископу Серафиму получить благословение Московской Патриархии для основания девического монастыря в с.Княжево. Его первыми насельницами стали принявшие постриг члены сестричества при русском храме, а игуменьей духовная дочь и сподвижница владыки Серафима матушка Серафима –

светлейшая княгиня Ольга Андреевна Ливен. Монастырь Покрова Пресвятой Богородицы был предметом особого попечительства владыки Серафима. Как когда-то его мать, теперь он сам вручал судьбу своих духовных чад Покрову Божией Матери, завещая им быть крепостью и опорой православия в Болгарии. Сам владыка не дожил до официального открытия монастыря, которое состоялось 16 мая 1950 года.

Архиепископ Серафим скончался 13/26 февраля 1950 года в Неделю Торжества Православия. Перед своей кончиной, дату которой он знал, владыка сказал в утешение собравшимся ученикам: «Если буду иметь дерзновение перед Господом, не оставлю вас». Одна из его учениц со слезами проговорила, что теперь его духовные чада не смогут, как прежде, поведать ему о своих горестях. Владыка улыбнулся в ответ: «А вы пишете мне письма». Эти слова получили широкую известность. К его гробнице, установленной по решению Болгарского Синода в крипте под алтарем русского храма, стали приходить люди не только со всех концов Болгарии, но и из-за границы, и приносить с собой записку – «письмо» - с просьбой помолиться за себя и своих близких.

1 марта 1950 года при огромном стечении народа в присутствии многочисленных представителей болгарского и русского духовенства владыку отпевал заместитель Председателя Святого Синода Болгарской Православной Церкви митрополит Врачанский Паисий в сослужении четырех болгарских митрополитов (Экзарх Болгарский Стефан находился в заточении в Бачковском монастыре). Была оглашена телеграмма соболезнования Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Надгробные речи произнесли митрополит Врачанский Паисий, настоятель храма архимандрит Пантелеимон (Старицкий), а от имени братии Рильского монастыря и духовных чад владыки выступил архимандрит Серафим (Алексиев).

Русский приход осиротел, храм остался без опытного руководства, без мудрого владыки Серафима, который был для своей паствы и отцом, и матерью.

4. ПОДВОРЬЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

После кончины архиепископа Серафима управление русскими церковными общинами в Болгарии было возложено на архимандрита Пантелеимона (Старицкого), возглавлявшего их в качестве благочинного. В 1951 году на территории Болгарии в юрисдикции Московской Патриархии состояло свыше двух десятков священнослужителей. Советское посольство направило в Москву политические характеристики на двенадцать из них, отметило, что восемь были бывшими белыми офицерами, и указало тех, кто враждебно относился к Советскому Союзу. Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР во главе с Г.Г.Карповым приходит к выводу, что благочиние, «если в нем есть надобность, должно

ограничиваться русским храмом в г. Софии и возглавляться священником из СССР». Ведомство Карпова выступает против финансирования духовенства из бывших белогвардейцев. Было принято решение командировать из Москвы священнослужителя для ознакомления с положением дел на месте.

В конце мая 1952 года Московская Патриархия направила в Болгарию в качестве нового благочинного русских православных приходов протоиерея Сергия Казанского, клирика Бакинской епархии. 3 июля 1952 года в отчете митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю о состоянии благочиния в Болгарии протоиерей сообщал, что община при русском храме в Софии насчитывает 500 человек, есть два священника, диакон и псаломщик. По мнению отца Сергия Казанского, только этот приход «может считаться нормальным», в то время как остальные «не отвечают самым минимальным признакам нормального прихода». Девический монастырь Покрова Пресвятой Богородицы в Княжево состоял в тот период из игуменьи, двух манатейных монахинь, четырех рясофорных и трех послушниц, из них три имели советское гражданство и семь болгарское.

В своем отчете в Москву протоиерей Сергей Казанский утверждал, что наличие русских приходов и священников вызывает среди болгарского духовенства некоторое неудовольствие и досаду и поддерживает ненужную рознь. По результатам бесед с главным секретарем Святого Синода Болгарской Церкви владыкой Ионой и митрополитом Кириллом, будущим Патриархом, отец Сергей Казанский сделал вывод: «Высшие иерархи болгарской церкви в большинстве не имеют ничего против того, что существует русское благочиние в Болгарии, но они были бы очень удовлетворены, если бы Русская Церковь передала в их ведение русские приходы и оставила одно подворье для представительства в Софии, как это имеет место в Москве...». Владыка Иона прямо сказал, что если Святейший Патриарх Алексей найдет нужным и целесообразным передать русские приходы в юрисдикцию Болгарской Церкви, то это было бы «великим актом проявления особой любви к Болгарской Церкви и Болгарская Церковь записала этот акт на скрижалях своей церковной летописи».

10 ноября 1952 года по решению Священного Синода Русской Православной Церкви находящиеся в Болгарии русские православные приходы, монастыри, клир и монашествующие передавались в юрисдикцию Болгарской Православной Церкви. Священный Синод постановил «братски просить Святой Синод Болгарской Православной Церкви простереть любовь и заботу на вышеперечисленные приходы, монастыри и клир и сохранить, по принятию в свою юрисдикцию, русский духовный уклад и быт в Кокалянском монастыре согласно просьбы его братии...С момента подписания приемо-сдаточного акта передачи упомянутых приходов, монастырей и клира в юрисдикцию Болгарской Православной Церкви считать благочиние Русских Православных общин в Болгарии упраздненным, с оставлением прот. С.Казанского в должности Настоятеля Свято-Николаевского Русского Православного храма в Софии, который именовать Подворьем Московской Патриархии». Таким образом, Русский храм стал

церковным посольством Московской Патриархии при Болгарской Православной Церкви, а его настоятель – представителем Патриарха Московского и всея Руси.

Протоиерей Сергей Казанский менее года был настоятелем русского храма. Он уволил членов приходского совета и ревизионной комиссии, ликвидировал сестричество. На прежнем месте остались староста церкви З.С.Губская и кассир-бухгалтер И.П.Политов. Свою деятельность в новом качестве протоиерей Сергей начал с того, что закрыл для посещения гробницу владыки Серафима, чем сразу же оттолкнул от себя прихожан и вызвал их большое недовольство. Верующие продолжали приходить к владыке и через проделанные отверстия опускали свои записки. Настоятель отдавал распоряжения зацементировать отверстия, но поток писем не прекращался. Неизвестно, сколько бы продолжалась эта борьба, но в мае 1953 года советское посольство проинформировало ведомство Карпова о том, что отец Сергей Казанский «не пользуется любовью своих прихожан». 6 июня 1953 года он вернулся в Москву, передав дела временно исполняющему обязанности настоятеля игумену Сергию (Канабееву), клирику храма. Протоиерей Сергей Казанский оставил ему инструкцию «не допускать служить в храме Николая чудотворца поклонников архиеп. Серафима и, в частности... болгарское духовенство, а особенно монахов б.Кокалянского монастыря».

Отец Сергей оказался в очень трудном положении: полученная инструкция была невыполнима, поскольку русский храм оставался центром, объединявшим почитателей и последователей владыки Серафима, и он сам принадлежал к их числу. Отец Сергей известное время был помощником игумена Кокалянского монастыря архимандрита Сергия (Соболева), брата владыки Серафима. В храме служил болгарин иеродиакон (впоследствии архимандрит) Сергей Язаджиев, который также был духовным чадом владыки.

Вопреки инструкции новый настоятель старался, чтобы жизнь храма протекала так, как это было при жизни владыки. Как всегда Русский храм славился прекрасным хором, которым руководил болгарский регент А.Вачев. Отец Сергей сделал доступ к гробнице владыки Серафима свободным и принял решение украсить крипту росписями. Эту почетную работу он доверил духовному сыну владыки иеромонаху Николаю (Шелехову).

Талантливый русский художник, он закончил Духовную академию в Софии, в 1932 году был рукоположен в иерейский сан архиепископом Серафимом. Учился в синодальной школе иконописи у известного мастера Пимена Максимовича Софронова в сербском монастыре Раковице, подвизался в русском Кокалянском монастыре. В 1953 году создал иконописную мастерскую в Рильском монастыре, работал по заказам болгарских монастырей и храмов. Позднее он преподавал в школе иконописи в русском девичьем монастыре Покрова Пресвятой Богородицы. В 1954 году иеромонах Николай искусно расписал крипту, где покоится владыка

Серафим. Украсили ее и росписи с изображением преподобного Иоанна Рильского и преподобного Серафима Саровского, выполненные Н.Е.Ростовцевым.

В середине 50-х годов произошли коренные изменения в жизни русского Свято-Николаевского храма, которые были обусловлены тем, что русская эмиграция в Болгарии перестала существовать как единая и влиятельная общность. 2 ноября 1954 года на собрании в клубе советских граждан в Софии советский посол Ю.Приходов объявил о постановлении правительства СССР разрешить бывшим белоэмигрантам, принявшим советское гражданство, въезд в Советский Союз для участия в освоении целинных земель. 7 сентября 1955 года последовал указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, освобождавший от ответственности лиц, вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они «искупили свою вину патриотической деятельностью на благо своей Родины». Амнистия распространялась и на белоэмигрантов. Активную пропаганду в пользу новой советской инициативы и возвращения в СССР развернул Союз советских граждан в Болгарии.

В обстановке энтузиазма и бурного волнения с весны 1955 года начался массовый отъезд русских в Советский Союз, и до конца 1958 года из Болгарии уехало более 90% обладателей советских паспортов. В начале 1958 года прекратил свое существование Союз советских граждан. Его функции были переданы специальной секции при Комитете болгаро-советской дружбы, которым руководила болгарская коммунистка Цола Драгойчева.

В 1959 году в стране осталось около 7500 белоэмигрантов, преимущественно болгарских граждан. Их число неуклонно сокращалось: старшее поколение постепенно уходило из жизни, их дети уезжали за границу, а те, что оставались, ассимилировались и редко пополняли ряды прихожан русского храма. В Болгарии развернулось строительство социализма по классическому советскому образцу, шла борьба за господство марксистско-ленинской идеологии, велась агрессивная атеистическая пропаганда.

Никак не влиял на увеличение числа прихожан Русской церкви приезд в Софию многочисленных советских специалистов в связи с активным развитием политических и экономических отношений между СССР и НРБ. Естественно, что на работу в Болгарию отправляли только проверенных коммунистов, а в уставе КПСС было положение, согласно которому член партии был обязан исповедовать научный социализм. В мрачные годы хрущевских гонений на церковь большинство сочувствующих православию советских граждан не рисковали даже заходить в храм.

Таким образом, число прихожан Свято-Николаевской церкви резко уменьшилось, значительно сократилась доля русских, и их с каждым годом становилось все меньше. Такая тенденция сохранялась вплоть до начала 90-х годов. Число болгарских богомольцев, хотя и очень медленно, но росло и прежде всего за счет почитающих архиепископа Серафима. Как и при жизни, так и после смерти владыки к нему шли люди с мольбой о заступничестве.

По всей Болгарии рассказывали о чудесах, происходивших по молитвам к владыке Серафиму, на его гробницу непрерывным потоком люди несли свои письма.

В Москве встал вопрос о закрытии самого Подворья Московского Патриархата. Решающую роль в его сохранении сыграла позиция Болгарского Синода, который категорически возражал против неизбежного в таком случае закрытия и Подворья Болгарской Православной Церкви в Москве. 11 января 1957 года руководство МИД СССР сообщило ведомству Карпова, что хотя расходы на содержание Подворья составляют 39-40 тысяч рублей, а доходы – 30 тысяч, закрытие его нецелесообразно с учетом позиции Болгарской Церкви.

В марте 1957 года игумен Сергей с разрешения Московской Патриархии уехал за границу, на его место был назначен протоиерей Павел Майдачевский, русский, клирик Болгарской Церкви. В результате его деятельности и без того поредевшие ряды богомольцев Русского храма сократились еще больше. По просьбе прихожан его заменили, и 15 сентября 1957 года Московская Патриархия вместо него назначила болгарина архимандрита Мефодия (Жерева), который был первым настоятелем открывшегося 17 июля 1948 года Подворья Болгарской Церкви в Москве. Он нес свое послушание до 1973 года.

Под руководством отца Мефодия Свято-Николаевский храм лишь формально был представительством Московской Патриархии. И посольским он был лишь по названию. Русский храм интересовал советское посольство только как место, где регулярно собирались остатки белоэмигрантов, которые в обстановке холодной войны рассматривались как контингент для потенциальной разработки спецслужб, подозревались в шпионаже и антисоветской деятельности.

Переход Болгарской Православной Церкви на новый календарный стиль в 1968 году (вместо юлианского - григорианский), как и предвидел архиепископ Серафим, вызвал смуту и нестроения в церковной жизни. Покровский монастырь Пресвятой Богородицы остался верным старому стилю. Из Свято-Николаевского храма туда перешли духовные чада владыки Серафима, русские верующие, которые хотели жить по календарю, принятому Русской Православной Церковью. С уходом из храма св. Николая архимандрита Сергия (Язаджиева) особенно очевидна стала утрата Русской церковью своего лица, исчезли традиции, заложенные владыкой Серафимом.

В бытность архимандрита Мефодия не было ни приходского совета, ни ревизионной комиссии, ни церковного старосты, ни кассира-бухгалтера, - он единовластно управлял храмом. Никто не знал состояния финансов. Вдруг, якобы из-за отсутствия средств, впервые в истории русского храма возникла проблема с хором, и дело дошло до того, что богослужения начали совершаться в сопровождении магнитофонных записей. Это вызвало резкое возражение прихожан, и вскоре такая практика была отменена. Ежедневные богослужения прекратились, стали нерегулярными, их уровень снизился – сам чин богослужения был сокращен. В храме был прекращен колокольный

звон! Сестричество было упразднено, не велась просветительская работа, не проводились беседы на духовные темы ни с взрослыми, ни с детьми. Приход перестал быть единой и сплоченной общностью. Только к гробнице владыки Серафима по-прежнему не иссякал поток богомольцев.

Положение особенно усугубилось после того, как в декабре 1972 года архимандрит Мефодий был назначен игуменом Рильского монастыря и нечасто бывал в Софии. Болгарский Синод направил в Свято-Николаевский храм протоиерея Михаила Лулчева, который, будучи клириком Софийского кафедрального храма Св. Неделя, продолжал одновременно служить и в нем. Таким образом, спайка богомольцев со своими пастырями серьезно ослабла.

После долгого перерыва с конца 1973 года Московская Патриархия вновь стала командировать из СССР настоятелей храма-подворья. В 1973-1975 годах эту должность занимал клирик Владимирской епархии протоиерей Аркадий Тыщук. Был возобновлен колокольный звон. После 22-летнего перерыва в храме опять заработали приходской совет и ревизионная комиссия, члены которых теперь не выбирались, а назначались настоятелем, а затем утверждались Болгарским Синодом. В приходской совет вошли авторитетные и уважаемые люди: Н.М.Дылевский - дуайен русской эмиграции в Болгарии, известный славист, он возглавлял кафедру русской филологии в Софийском университете, преподавал русский язык на богословском факультете и в Духовной академии; Н.Е.Ростовцев - известный художник; В.Л.Говорухин - иподиакон у архиепископа Серафима; а также В.Балев, А.Ф.Редько. Председателем ревизионной комиссии стал А.П.Берков, работавший еще при владыке Серафиме. Возобновило свою деятельность и сестричество, оживилась приходская жизнь.

В 1975-1985 годах настоятелем храма-подворья был клирик Виленско-Литовской епархии архимандрит Никита Якеревич. В его бытность с 1975г. по 1977 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена и при содействии Святейшего Патриарха Болгарского Максима была проведена расчистка и реставрация стенописи храма. Работы финансировались Болгарским Св.Синодом, Комитетом по делам Болгарской Церкви, Софийским городским советом, средствами храма и производились коллективом болгарского Национального института памятников культуры под руководством художницы С. Баевой. В отличие от реставрации 1945-1946гг., когда было проведено промывание растворителями, на этот раз использовалась иная техника - стирание специальными резинками, что привело к значительному потускнению живописи. Заново был укреплен живописный слой, причем использовалась техника, близкая к авторской, были законсервированы деревянные элементы снаружи и черепичная крыша. Еще в 1970 году на средства, выделенные Московской Патриархией, было осуществлено новое золочение куполов и карнизов храма, а в 1982 году был заново позолочен иконостас.

В 1972, 1975, 1977 и 1983 годах Свято-Николаевский храм посещал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен.

После отъезда архимандрита Никиты 25 января 1985 года прибыл новый настоятель, клирик Симферопольско-Крымской епархии протоиерей Николай Дзичковский, священник в четвертом поколении. Он, как и его предшественники, заботился о благоустройстве храма. Летом 1987 года была заново отделана многоцветным мрамором гробница владыки Серафима. В следующем году полностью отреставрирована крипта, где были оборудованы помещения для проведения приходских собраний, спевок хора, канцелярия для приема посетителей, библиотека. Была проведена внешняя покраска храма. Болгарский художник А.Радусhev отреставрировал иконы иконостаса. Свое послушание отец Николай нес в течение десяти лет, и именно ему суждено было стать свидетелем и участником нового кардинального изменения в жизни Свято-Николаевского храма в начале 90-х годов.

Распад Советского Союза и социалистической системы, крушение идеологии марксизма-ленинизма сопровождалось глубоким духовным кризисом русского и болгарского народов. Социалистическая система ценностей была разрушена, а новая не была создана. Жизнь властно заставляла обратиться к своим истокам, отечественной истории и культуре. Росло понимание, что русские люди родом не из Октября, а наследники великой православной России. Русские стали возвращаться к Богу.

Процесс глубоких общественных изменений в Болгарии после ноября 1989 года очень быстро приобрел, не только антикоммунистическую, но и антироссийскую направленность, которая была следствием политического выбора нового руководства страны. Болгария выступала за безусловное принятие общественно-экономической модели США, ориентировалась на вступление в НАТО и Евросоюз, идеологическую систему ценностей Запада. Русофобия, абсурдные требования суда над СССР, лозунг «С Россией больше никогда!» должны были послужить убедительным доказательством преданности уже несоциалистической Болгарии своим новым покровителям. В этой обстановке Свято-Николаевский храм становится объединительным центром русской диаспоры. Его посещают и эмигранты первой волны, и советские граждане, приехавшие на постоянное жительство в Болгарию за последние десятилетия, которые еще недавно не испытывали потребности ходить в храм. И самое главное – в Русскую церковь начинают ходить сотрудники российских заграничных учреждений и прежде всего посольства.

8 ноября 1992 года по случаю сорокалетия Свято-Николаевского храма как Подворья Московской Патриархии был отслужен торжественный молебен, на котором присутствовали Болгарский Патриарх Максим, главный секретарь Святого Синода Болгарской Православной Церкви епископ Левкийский Неофит, а также многочисленные сотрудники посольства России во главе с послом А.А.Авдеевым. И это не было данью дипломатическому протоколу по случаю круглой даты, а отражением качественных перемен в российском обществе. Изменилась и жизнь храма – он вновь стал русским и посольским.

В храм св. Николая по зову сердца и души пришли десятки взрослых людей, не умевших креститься, не знавших ни чина богослужения, ни

молитв. И все, кто служил в храме: и опытный отец Николай, и молодой энергичный болгарский священник отец Симеон Минчев, и старушки за свечным ящиком,- все они окружили их истинно христианской любовью и заботой, терпеливо и мягко помогали советом, разъясняли непонятное, исправляли оплошности. Здесь не было места обидным замечаниям, окрикам или насмешкам. А ведь посмеяться было над чем! На вопрос: « Ты уже купил себе «Закон Божий»?» - один дипломат отвечает другому: « Не помню. А кто автор?». Или на Пасху - в ответ на «Христос Воскресе!», раздается: «Взаимно!».

Духовная литература тогда только-только появлялась в свободной продаже, а самостоятельно ликвидировать безграмотность в вопросах веры было очень сложно, поэтому для неопитов неоценима была поддержка священников и прихожан старшего поколения. Здесь, в Свято-Николаевском храме, произошла удивительная встреча русских людей крещеных от рождения и их соотечественников, лишь недавно осознавших, что они русские и хотят быть православными. Они встретились в доме Божьем как братья и сестры. Новые прихожане воцерковлялись и узнавали об истории своего Отечества то, что ни в каких советских учебниках прочитать было нельзя. Завязывались контакты, складывались дружеские отношения, рождалось чувство принадлежности к единой семье – русской, православной.

Дочь последнего предводителя харьковского дворянства Е.Н.Березовская, узнав, что один из российских дипломатов из Харькова, попросила привезти из своего родового гнезда бутылочку минеральной воды, которая так и называлась «Березовская». Она поставила ее дома рядом с иконостасом, а своего земляка называла «мой харьковец» и много рассказывала о своей жизни в той, другой России, показывала уникальные фотографии, значки. Много интересного вспоминал В.Л.Говорухин, сын донского казака. Мальчиком он прислуживал в алтаре владыке Серафиму, слышал хор Жарова, присутствовал на первом Пасхальном богослужении в русском храме после окончания войны.

Отец Николай и отец Симеон крестили тогда много взрослых и детей, венчали и молодоженов, и супружеские пары, живущие в браке много лет. Воскресные службы регулярно посещали около десятка семей сотрудников российских заграничных учреждений: Смирновы, Гребенниковы, Кириченко, Гусевы, Катасоновы, Решетниковы, Грибины, Крыловы и многие другие. Как правило, после богослужения все собирались в трапезной, где за чашкой чая, приготовленного хлебосольной матушкой Ниной, разговаривали на духовные темы, делились информацией о новой литературе, обсуждали маршруты паломнических поездок, а они были регулярными и массовыми – ездили по болгарским монастырям. Отец Николай терпеливо отвечал на многочисленные вопросы, щедро дарил молитвословы и иконки, говорил о нуждах храма. Вместе переживали все радости и горести. Отголоском черныбыльской трагедии стала тяжелая болезнь сына отца Николая. Ему нужна была срочная операция в московской клинике, однако для молодого священника из Симферополя, который в одночасье стал для России

иностранным гражданином, лечение стоило баснословно дорого. Весь приход молился о его здравии, а сотрудники посольства и лично посол А.А.Авдеев сделали все возможное, чтобы операция была бесплатной. К всеобщей радости больной встал на ноги.

Общение с батюшкой стало потребностью для новых прихожан, и он занял в жизни российской колонии подобающее место. Его, еще недавно не смевшего переступить порог российского посольства, стали приглашать туда на приемы, просили выступить в школе при посольстве России. Большое значение имело решение российского посла поселить отца Николая в жилом комплексе посольства. Это, безусловно, помогло сэкономить средства Московской Патриархии, предназначенные для оплаты съемной квартиры, но самое главное - сделало фигуру священника привычной для сотрудников посольства и особенно детей. К батюшке можно было всегда обратиться за советом, задать интересующий вопрос. Детишки смело подходили к нему, заводили разговор, желающих креститься становилось все больше. Побывав на службе, дети уговаривали родителей привести их в храм опять. Кто-то занимал место на клиросе среди певчих в церковном хоре.

Все двенадцатые праздники отмечали сообща, храм был полон. На этих службах собирались многочисленные сотрудники российских учреждений во главе с послом А.А.Авдеевым и его супругой. Возникало особое чувство единения всех собравшихся, возносивших молитву за свое Отечество, за всех православных христиан.

Значительно увеличилось число почитателей архиепископа Серафима среди русских людей, на личном опыте испытавших чудодейственную силу обращенной к нему молитвы. Для многих книги с его проповедями и статьями были настоящим открытием. На гробницу владыки с надписью «ОТЬ ЧРЕВА МАТЕРЕ МОЕЯ ТЫ ЕСИ МОЙ ПОКРОВИТЕЛЬ» (Псал.70, 6) приносили все больше писем. Посоветовавшись с прихожанами, отец Николай установил рядом с гробницей своеобразный почтовый ящик. По мере его заполнения письма аккуратно вынимали и сжигали на церковном дворе.

Пробудившаяся душа позвала к отеческим гробам в Болгарии. Впервые за все время существования советского посольства в Софии российские дипломаты решили навести порядок на русском кладбище, которое пришло в ужасное состояние. Годы беспамятства стерли многие надписи на надгробиях русских беженцев, воинов, героев русско-турецкой войны, ученых, священников, литераторов. На первом этапе удалось привести в порядок кладбище ветеранов русско-турецкой войны. Там торжественно была установлена привезенная из Москвы разборная металлическая часовня.

Благодаря контактам с эмигрантами первой волны в российском посольстве вспомнили и о русских людях, живших в созданном в 20-е годы инвалидном доме в Княжево, одиноких, больных, инвалидах. В посольстве собирали пожертвования, на которые закупались подарки к Рождеству и Пасхе. Делегация посольства, обычно это были супруги посла, советника

посланника, военного атташе и торгпреда, а также жены дипломатов, навещали своих соотечественников, приободряли и вручали подарки. Некоторые семьи брали своего рода шефство над стариками, регулярно приезжали к ним, общались, помогали деньгами, лекарствами, а главное - были благодарными слушателями. С тех пор работа на русском кладбище и поездки в инвалидный дом стали традиционными для сотрудников российского посольства.

19 мая 1994 года Свято-Николаевский храм торжественно встречал Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, прибывшего в Болгарию с визитом к Святейшему Патриарху Болгарскому Максиму. Первоиерархов сопровождали многочисленные иерархи Болгарской Церкви, не раз принимавшие участие в торжествах Русского храма. Совместно была отслужена заупокойная лития у гробницы архиепископа Серафима, который как истинно русский патриот любил православный народ Болгарии, Болгарскую Церковь. По благословению двух патриархов было решено приступить к реставрации Русской церкви.

Любовь к своему посольскому храму ярко проявилась в массовом и активном участии сотрудников российских заграничных учреждений в сборе средств на его реставрацию. Был создан специальный комитет во главе с послом А.А.Авдеевым, который за короткий срок собрал свыше 200 тысяч долларов. Для оценки объема и характера работ из Москвы был приглашен выдающийся мастер своего дела известный реставратор и искусствовед С.В.Ямщиков, который посоветовал поручить дело бригаде под руководством заслуженного деятеля культуры Российской Федерации А.С. Кузнецова. Были приглашены также болгарские художники-реставраторы из Центра по консервации и реставрации художественных ценностей при Министерстве культуры: А.Икономова, Л.Каравелова, Е.Вакова, З.Петров и другие. Работы были начаты уже в июне 1994 года и проводились под контролем посольского комитета.

Прежде всего, были очищены от копоти и отреставрированы стенные росписи. Благодаря тонкой кропотливой работе мастерам удалось ликвидировать огрехи предыдущей реставрации. С особой тщательностью расчистили иконы. Храм засиял новыми красками, и только крошечный черный квадратик наверху, специально оставленный реставраторами, напоминал о прежнем состоянии живописи. Болгарская организация «Главбулгарстрой» бесплатно переоборудовала вентиляционное устройство, неисправность которого способствовала оседанию копоти, пыли и влаги на стенописи, а также отремонтировала отопительную систему и канализацию. Починили крышу, позолотили купола, произвели внешнюю покраску. Русский храм стал самым красивым и нарядным зданием в центре болгарской столицы.

Когда в Софии экспонировалась выставка церковной утвари из Софрино, несколько семей российских дипломатов из числа прихожан купили для храма замечательной работы запрестольный образ Пресвятой

Богородицы, дарохранительницу, рипиды. Посольство передало в дар новый престол.

По заказу посольского комитета монахини-художницы иконописной мастерской Покровского монастыря Пресвятой Богородицы расписали крипту храма. Болгарские ученицы русского художника о. Николая (Шелехова) под руководством талантливейшей сестры Магдалины (Начевой) создали росписи удивительные по красоте и глубине содержания. Несколько сюжетов объединены темой «Архиепископ Серафим – покровитель Софии». Средствами иконографии художницы сумели рассказать и о праведной жизни владыки Серафима, и о его борьбе за чистоту православия, и о своей безграничной любви к нему. Благодаря великолепным росписям имя безвременно погибшей сестры Магдалины (Царствие ей небесное!) навсегда соединилось с именем владыки Серафима. Именно искусным мастерицам Покровского монастыря была доверена реставрация легендарного Самарского знамени – они вдохнули новую жизнь в бесценную реликвию, символ русско-болгарского братства.

Большим праздником для всего прихода было торжественное освящение Свято-Николаевского храма после окончания ремонтно-реставрационных работ. Заслуги посла России А.А.Авдеева были отмечены высокой наградой – указом Патриарха Алексия II он был награжден орденом св. благоверного князя Даниила Московского.

Состав прихода посольского храма постоянно обновляется – с окончанием мандата сотрудники заграничных учреждений возвращаются на Родину, им на смену приезжают новые. Меняются и командированные Московской Патриархией настоятели храма-подворья. В 1995 году уехал из Болгарии отец Николай, который признавался, что последние годы пребывания в Софии были самыми счастливыми в его пастырской жизни. Всем настоятелям, которым пришлось служить после отца Николая, суждено было нести свое послушание в условиях, когда Свято-Николаевский храм не на словах, а на деле стал храмом посольства России. Прошли те времена, когда русские люди не могли свободно исповедовать православие, веру своих предков. Жизнь прихода стала всецело определяться личными качествами и духовными устремлениями, как пастыря, так и паствы.

В преддверии столетия Великого освящения Русского храма св. Николая встал вопрос о его новой реставрации и организации юбилейного торжества.

По благословию Высокопреосвященнейшего Марка, архиепископа Егорьевского, руководителя Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям, для подготовки празднования был сформирован Юбилейный комитет. С российской стороны его возглавил архиепископ Марк, а с болгарской – почетным председателем стал царь Симеон II Саксен-Кобурготский, глава Болгарского царствующего дома. В комитет вошли министр культуры РФ А.А.Авдеев, заместитель руководителя «Россотрудничества» Г.Л.Мурадов, зам.председателя правления Россельхозбанка К.Ю.Левин, вице-президент Фонда социально-культурных

инициатив Т.В.Шумова, председатель национального движения русофилов болгарии Николай Малинов, председатель Форума «Болгария-Россия» Светлана Шаренкова и многие другие представители различных государственных учреждений, деятели культуры, ученые и бизнесмены России и Болгарии.

9 декабря 2011г. в Москве состоялось первое заседание Юбилейного комитета, на котором настоятель Подворья игумен Филипп (Васильцев) рассказал о задачах, связанных с реставрацией храма. Членам комитета были представлены результаты химической экспертизы состояния фресковой росписи храма, выполненной заведующей химической лаборатории Государственного научно-исследовательского института реставрации Е.Л.Малачевской.

Состояние внутренних росписей вызвало большую озабоченность специалистов: фрески потемнели, потускнели, есть утрата фрескового слоя, авторской живописи, практически исчез эффект мозаики уникального орнамента, который создавала живопись по сусальному золоту. Генеральный директор компании ООО «Объединение художественно-реставрационных мастерских «Византия» Н.Е.Юшков предложил к рассмотрению проект реставрации росписей, оформления внутреннего интерьера и внешней реставрации.

Предметом обсуждения стала предварительная концепция программы празднования столетнего юбилея Великого освящения храма. Участники заседания были единодушны - русским и болгарам надо объединить усилия, чтобы во всей красе восстановить этот замечательный памятник, символ нерасторжимого духовного единства двух православных народов, достойно отметить его вековой юбилей.

Как это было всегда, так и сегодня, двери Русского храма - подворья Московской Патриархии открыты для всех, кто хотел бы приобщиться к русской духовной традиции, познакомиться с русским богослужением. Будет ли Русский храм лишь архитектурной жемчужиной Софии или также местом молитвенного единения русских и болгар, связующим звеном между сестрами-Церквами России и Болгарии, зависит только от нас.

Примечание.13 февраля 2002г. Болгарская Старостильная Православная Церковь, которая находится в расколе с Болгарской Православной Церковью, прославила архиепископа Серафима как местнопочитаемого святого. В его честь был освящен южный престол в храме « Успение Богородицы» в Софии, написана его икона. В Русской Православной Церкви владыка Серафим официально не канонизован.

Русский храм Святителя Николая в Софии.

Архиепископ Богучарский Серафим август 1921 – 13 февраля 1950
(Соболев) – управляющий русскими
церковными общинами в Болгарии

Настоятели храма

Протоиерей Петр Преображенский	июль 1912 – март 1914
Архимандрит Николай (Дробязгин)	Март 1914 - июнь 1915
Архимандрит Тихон (Лященко)	1920 – май 1921
Архиепископ Серафим	май 1921 – 1929
Протоиерей Николай Владимирский	1929 – 30 марта 1944
Протоиерей Георгий Голубцов	апрель 1944 – декабрь 1947
Протоиерей Андрей Ливен	декабрь 1947 – июнь 1949
Архимандрит Пантелеимон (Старицкий)	июнь 1949 – апрель 1952
Протоиерей Сергей Казанский	ноябрь 1952 – июнь 1953
Игумен Сергей (Канабеев)	июнь 1953 – март 1957
И.о. настоятеля протоиерей Павел Майдачевский	Март 1957 – сентябрь 1957
Архимандрит Мефодий (Жерев)	сентябрь 1957 – декабрь 1973
И.о. настоятеля протоиерей Михаил Лулчев	декабрь 1972 – декабрь 1973
Протоиерей Аркадий Тыщук	декабрь 1973 – август 1975
Архимандрит Никита Якеревич	сентябрь 1975 – январь 1985
Протоиерей Николай Дзичковский	январь 1985 – июнь 1995
Протоиерей Сергей Трухачев	июнь 1995 – май 1998
Протоиерей Александр Карягин	май 1998 – апрель 2008
Игумен Исидор (Минаев)	апрель 2008- март 2009
И.о. настоятеля иеромонах Зотик (Гаевский)	март 2009 — май 2011
Архимандрит Филипп (Васильцев)	май 2011

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи ИДД МИД РФ, ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел, оп. 465, д. 11, л.3-5; д.12, л. 47, 51, 60, 61, 76, 77, 80, 168, 180, 181, 229, 230, 238, 252, 254, 262; оп.726, д.10, л.12, 44, 45, 47, 48, 100; оп. 749\3, д. 156, л. 53; д.218, л. 95; д.220, л. 5-8.
2. Централен държавен исторически архив на РБ, ф. 370, оп.6, л.143.
3. Архимандрит Климент Рилец (Константин Кучеров). Воспоминания моей жизни. (Неопубликованная рукопись). Бачковский монастырь, 1967.

4. Русия и възстановяването на българската държавност(1878-1885г.). Документалният сборник. С.,2008.
5. Батенберг Александър. Дневник. С.,1992.
6. Граф Н.П.Игнатиев. Дипломатически записки (1864-1874).С.,2008.
7. Ливен А. А. Лирика. М.,1997.
8. Архиепископ Серафим (Соболев). Об истинном монархическом мирозозерцании. Статъи и проповеди. СПб, 1994; Русская идеология. СПб, 1994.
9. Боханов А.Н.Царь Алексей Михайлович. М.,2012.
- 10.Боханов А.Н.Царь Иоанн Грозный. М.,2013.
- 11.Бялата емиграция в България. С.,2001.
- 12.Варненски и Великопреславски митрополит д-р Кирил.Подвигът на болярина полковник Николай Киреев и Освобождението на България. С.,2008.
- 13.Генерал Скобелев. М.,2013.
- 14.Говорухин В.Л. Русский Свято-Николаевский храм в Софии. С., 1995.
- 15.Гусева Г.Н. Они строили Россию. Игнатъевы. М., 2008.
- 16.Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994.
- 17.Живот, чудеса и завети на светител Серафим Софийски. С., 2012.
- 18.Йованович М. Русская эмиграция на Балканах.1920- 1940.М., 2005.
- 19.Косик В.И. Русская церковь в Болгарии (1940-1950-е годы).- «Славяноведение»,2003, №6.
- 20.Косик В.И. Софии русский уголок. М., 2008.
- 21.Краткая история Болгарии. М., 1987.
- 22.Къосева Ц. Руската емиграция в България. С.,2002.
- 23.Леонтьев К.Н.Восток, Россия и славянство. М.,1996.
- 24.Мультиатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917).М.,2012.
- 25.Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920-1995. Биографический справочник. Москва-Париж, 2007.
- 26.Православно слово. 1995,№1; 2000, №1-2; 2001,№4;2002, №1,2.
- 27.Игуменья Серафима (Ливен). Протоиерей Андрей Ливен. Краткое описание духовного облика./http// www bulgarian-orthodox-church. org.
- 28.Тодоров К.Святитель Серафим и Московская Патриархия. /http//www bulgarian-orthodox-church.org.
- 29.Церковь и время.2006, №1.
- 30.Църквата и съпротивата на българския народ срещу османското иго. Юбилеен сборник по случай 100 години от Освобождението. С.,1981.
- 31.Человек на Балканах глазами русских. СПб.,2013.
- 32.Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XXв.). СПб., 2006.
- 33.Щелкунов А.Духовное единение. Варна, 2009.

Оглавление

1.	Духовные связи болгар и русских	с.1 – 25
2.	При Российской императорской миссии в Болгарии	с.25 – 46
3.	Под управлением владыки Серафима	с.46 – 84
3.1.	Посольский храм без посольства	с.46 – 65
3.2.	Русский храм без русских	с.65 – 70
3.3.	Возвращение русской общины в русский храм	с.70 – 84
4.	Подворье Московской Патриархии	с.85 – 101
	Список настоятелей русского храма Святителя Николая в Софии	с.102
	Источники и литература	с.102-103